

МЕЛЬНИКОВА Ирина

вера, надежда, любовь

Трех ВО СПАСЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

Ирина Александровна Мельникова

Грех во спасение

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131635*

Грех во спасение: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-28079-7

Аннотация

Юная красавица Машенька Резванова единственная, кто не желает смириться с тем, что блестящий морской офицер, наследник князей Гагариновых, воспитанницей которых она является, несправедливо осужден на каторгу и вечное поселение в Сибири. Маша, преодолевая одну преграду за другой, устремляется в далекий и неведомый край, чтобы вступить в фиктивный брак с Дмитрием Гагариновым, а позже устроить ему побег. Юным влюбленным предстоит претерпеть множество невзгод в дикой забайкальской тайге, но обретут ли они свободу, исполнятся ли их надежды о счастье и любви?

Содержание

1	4
2	20
3	40
4	58
5	69
6	84
7	100
8	112
9	126
10	142
11	160
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Ирина Мельникова

Грех во спасение

1

Маша сидела на вершине высокого холма и, прислонившись спиной к теплому камню, наблюдала за коршуном, парившим над степью на уровне ее глаз. Распластав крылья, птица изредка лениво взмахивала ими и, поддерживаемая потоками воздуха, которые поднимались вверх от раскаленной полуденным солнцем земли, казалось, купалась в них. Гордая и сильная, словно древняя царица – хозяйка этих ковыльных степей, далеких лесов в синеватой дымке и отливающих серебром мелких озер, похожих сверху на разбросанные по земле щиты павших в битвах богатырей.

Да и сам холм, если смотреть на него с востока, напоминал голову древнерусского витязя в шлеме с шишаком, с горбоносым лицом, его, словно гигантский шрам, пересекал глубокий скальный разлом.

Вечером и утром, когда особенно черны и отчетливы тени, камни как бы оживали и еще больше походили на сказочного великана, поставленного когда-то здесь на часах, да так и застывшего навечно громадным неммым стражем на границе древнейших государств.

Об этой скале, одиноко и гордо взиравшей на мир уже тысячи лет, ходило много легенд, но Маше нравилась одна – о былинном богатыре Любомысле. Он сражался с супостатами не на жизнь, а на смерть и, будучи тяжело раненным, не позволил унести себя с поля боя. Так и умер с мечом в руках. Но только закрылись его глаза, слетела с неба голубица, взмахнула трижды крылом, и восстал с земли богатырь и поднял свой меч, и ударили гром и молния, и разбежались нехристи-язычники в разные стороны, чтобы никогда более не переступить священных границ земли Русской.

С тех далеких времен солнце неисчислимое множество раз всходило и заходило над головой великана, зима сменяла осень, а лето весну... Буйные ветры и талые воды, лютые морозы и безжалостные лучи солнца иссушили и изъели лицо старика, покрыли его оспинами и морщинами. Но как стоял богатырь, так и стоит поныне, только ушел в землю от непомерной ноши уже по самые плечи. И по-прежнему непреклонно и зорко вглядывается он в синие дали, и знают враги, пока стоит богатырь, не владеть им землей Русской, как бы ни зарились они на нее, как бы ни потирали руки от жадности, зная о ее непомерных богатствах.

Маша вздохнула и улыбнулась. Всего каких-то семь-восемь лет прошло с тех пор, как она перестала верить, что раз в год богатырь оживает, со стонами и кряхтением освобождается из каменного плена и медленно, важно обходит свои владения, смотрит, все ли в порядке, все ли справно, все ли

хранится должным образом... И уже под утро возвращается на прежнее место и опять застывает.

Лет этак десять назад она даже подговорила своих приятелей, сыновей кухарки и конюха Тимошку и Даньку, отправиться в степь в ночь накануне Ивана Купалы и убедиться, взаправду ли восстает от долгого сна каменный великан. Но более всего им хотелось узнать, на самом ли деле он проверяет, на месте ли древние клады, которых в этих краях видимо-невидимо, как и курганов, где они испокон веку хранятся. Время сровняло эти курганы с землей, и никому не ведомо, где же искать эти сокровища. Лишь изредка вымоет из земли весенним половодьем или особенно сильным летним ливнем серебряные мониста, больше похожие на затвердевшие и почерневшие от времени цветочные лепестки, а то и причудливую бронзовую фигурку диковинного зверя с длинным кошачьим хвостом или гордого оленя с закинутой на спину головой, увенчанной короной рогов...

В тот раз им так и не удалось незаметно улизнуть из дома. Верных Машиных оруженосцев мать застучала, когда выпрыгивали из окна, успела схватить за опояску и не позволила ускользнуть в глухую ночную темь. А Маша, не дождавись заветного сигнала, уснула, положив голову на подоконник. Утром ее разбудила няня и сердитым шепотом выругала девочку за непослушание и пригрозила, уже в который раз, пожаловаться гувернантке мисс Луизе, а то и самой барыне, ее сиятельству княгине Зинаиде Львовне, что ее воспитан-

ница совсем от рук отбилась.

Нянька – сорокалетняя розовощекая красавица Анисья – была единственным человеком, напоминавшим Маше о ее прошлой жизни. Именно она спасла пятилетнюю малышку от огня, вспыхнувшего в доме управляющего именем князя Гагаринова ранним утром от неисправной печи.

Сам управляющий Александр Гаврилович Резванов в тот день встал, как всегда, спозаранку и отправился объезжать господские владения. Но не успел он отъехать и за версту от своего дома, как увидел огромный столб дыма и взметнувшееся выше леса пламя.

Через десять минут он был на месте пожара. Но ничего уже не смог поделать. Старый деревянный дом в одно мгновение вспыхнул как факел. И усилия дворни залить его водой из ведер и при помощи ручной помпы успеха не имели. Александр Гаврилович вырвался из рук удерживающих его слуг и бросился в огонь. На втором этаже оставались его молодая жена Надежда Васильевна с годовалым Николенькой и всеобщая любимица – старшая дочь Машенька со своей нянькой Анисьей.

Резванову не суждено было узнать о спасении дочери: вместе с женой и сыном он погиб под обрушившейся кровлей дома. А Машу спасло то, что у Анисьи разболелся под утро зуб и она, постанывая, ходила взад и вперед по комнате, поддерживая рукой распухшую щеку. Почувствовав запах дыма и заметив отражение огненных всполохов в окнах

противоположного от них крыла дома, нянька, не раздумывая, закутала спящую девочку в суконное одеяло и в чем была, в сарафане и босиком, выпрыгнула из окна второго этажа прямо в сугроб, который смягчил их падение.

После смерти родителей девочку забрали к себе Гагариновы. Княгиня Зинаида Львовна, урожденная Шувалова, была давней подругой Машенькиной матери. В девушках они вместе учились в Екатерининском институте и поклялись никогда не расставаться. Выйдя замуж за князя, она не оставила подругу без внимания, и именно по ее рекомендации обер-шталмейстер¹ императорского двора его светлость князь Владимир Илларионович Гагаринов назначил управляющим своих тамбовских и пензенских имений отставного офицера, начавшего свою военную службу еще при Екатерине II, небогатого столбового дворянина Резванова.

Александр Гаврилович, вышедший в отставку после тридцати лет службы, одно время находился в ведомстве императрицы Марии Федоровны, весьма благоволившей к нему. И женился Резванов по ее рекомендации на девушке из хорошей, хотя и не очень богатой семьи коллежского советника Василия Гобериуса, потомка шведского военного лекаря Отто Гобериуса, попавшего в плен во время Полтавского сражения да так и оставшегося в России после женитьбы на русской дворянке.

После рождения дочери Александр Гаврилович ушел в от-

¹ Начальник царских конюшен.

ставку в чине полковника и принял в управление обширные и богатые поместья князя Гагаринова.

Семья переехала в принадлежащую князю деревню Ельцово в Пензенской губернии и поселилась в просторном управительском доме.

Ни Зинаида Львовна, ни Надежда Васильевна, конечно же, не подозревали, почему их мужья так быстро подружились. Причина крылась не только в том, что их жены были близки, а и в другом: оба были и прежде хорошо знакомы по масонской ложе. Впрочем, молодым женщинам не было никакого дела до бесед их мужей, которые те вели всю ночь напролет в редкие встречи, когда семейство Гагариновых, отправляясь на воды, останавливалось проездом на неделю в Ельцове. Женщины тоже проводили все это время вместе, в бесконечных разговорах о детях и в воспоминаниях о счастливых и беззаботных днях в стенах Екатерининского института.

Раза два княгиня брала с собой на воды и подругу с дочерью, но маленькая Маша запомнила из этих поездок лишь один эпизод: во время прогулки она подвернула ножку, и сын Гагариновых Митя – ему в то время было лет десять – нес ее до коляски на спине, не доверяя женщинам, поскольку уже считал себя настоящим мужчиной.

Через четыре года счастливой и безмятежной жизни в Ельцове у Маши появился братик, которому было уготовано погибнуть вместе с маменькой и отцом в беспощадном огне,

оставившем голубоглазую девочку круглой сиротой...

Прошло пятнадцать лет. Сын Гагариновых окончил Морской кадетский корпус и поначалу мичманом, а теперь уже капитан-лейтенантом служил на фрегате «Александр Невский», избородившем моря и океаны, ходившем в Америку и Японию, к берегам Австралии и Южной Африки. Сейчас ему шел двадцать восьмой год, и с того времени, как он поступил в Морской корпус и стал кадетом, а потом и гардемаринном, Маша видела его всего один раз, когда молодой безусый мичман приехал в двухмесячный отпуск, прежде чем отправиться к месту службы на Черноморский флот.

Конечно, князь Гагаринов, занимающий видное место при дворе, мог договориться о направлении единственного отпрыска на Балтийский флот, поближе к дому, или даже в Гвардейский морской экипаж, но Владимир Илларионович, обладая крутым и строгим нравом, не послушал просившей об этом жены, заметив, что не у материнской юбки, а в битвах закаляется мужской характер...

В этом году Гагариновы решили провести лето в своем имении Полетаево. Владимир Илларионович вышел в отставку и волен был распоряжаться собой как ему заблагорассудится. Тем более что накануне Пасхи он получил письмо от сына, в котором тот извещал родителей о своем намерении летом приехать в отпуск на три месяца и желании провести его в Полетаево.

Князь не особо удивился такому желанию. Полетаево бы-

ло одним из самых любимых мест летнего отдыха княжеской семьи. Большой, хотя и одноэтажный господский дом стоял на холме над рекой Сорокой. В нем было двадцать комнат, обставленных немецкой мебелью, полы закрывали персидские и индийские ковры, стены четырех гостиных украшали прекрасные картины итальянских художников. На некотором удалении от дома находилось несколько флигелей для приезжих и превосходная баня, от нее к реке вела каменная лестница. По ней напарившиеся гости сбегали на берег и окунались в холодные и темные от прибрежных кустов воды. Выше по течению стояла большая мельница, в которой мололи зерно, почитай, со всего уезда.

После поступления Мити в кадетский корпус, а потом и Маши в Смольный институт Гагариновы почти не бывали в Полетаеве, но, несмотря на это, в имении были построены новые оранжереи, в которых росли диковинные фруктовые деревья и причудливые цветы, теплицы, парники, вольеры для экзотических птиц и животных.

На заднем дворе по-прежнему работали мастерские: столярная, слесарная, каретная и ткацкая. В конюшнях находилось более двух десятков лошадей для верховых прогулок...

По приезде Маша сразу же отправилась на конюшню, где ее дождался подарок князя – молодой золотистый дончак Ветерок. Завидев хозяйку, он радостно заржал и потянулся к девушке, требуя лакомство – горбушку хлеба с солью.

С тех пор Маша на целые дни пропадала из дому, объез-

жая на Ветерке близлежащие села, рощи, купалась в одной ей ведомой, запрятанной в зарослях краснотала заводи, часами лежала на спине на вершине древнего холма и наблюдала за плывущими по небу облаками. Они клубились на горизонте причудливыми замками, медленно и покойно текли над головой и тихо меняли свои очертания. Такой же тихой и безмятежной была и вся прежняя жизнь Маши Резвановой.

Она прекрасно училась в Смольном институте, много читала по-русски и по-французски и все годы была одной из лучших учениц. Она искусно вязала и шила, а ее рукодельные халаты, которые воспитанницы вышивали в подарок императрице и ее детям, были отмечены особой благодарностью Государыни. И Маша в числе пяти особо отличившихся воспитанниц была несколько раз приглашена на дворцовые праздники.

В институте их учили молиться, любить царя, царицу и их детей. Им усиленно внушали, что император – образец мужской красоты, а его супруга – пример добродетели и благочестия, которому молодые девушки должны всегда следовать.

Многие ее подруги к окончанию института были уже влюблены, но Машино сердце до сих пор было не занято. И ни один из множества молодых людей, живших по соседству и посещавших имение чуть ли не каждый день, так и не сумел обратить на себя ее внимание ни отточенностью манер, ни остроумием, ни даже богатым наследством или титулом...

Мария Резванова умела спокойно поставить на место и излишне ретивых поклонников, и самовлюбленных франтов, и докучливых вдовцов, имеющих помимо приличного состояния изрядный довесок из многочисленных отпрысков, тетушек, дядюшек и разного рода приживалок, заполняющих их дома.

Зинаида Львовна стремилась устроить жизнь своей любимицы наилучшим образом, а потому беспокоилась и порой даже сердилась на Машу из-за ее чрезмерной разборчивости. Но князь неизменно вставал на защиту девушки, и вдвоем они давали отпор княгине, а уже наедине Владимир Илларионович успокаивал жену:

– Не стоит расстраиваться по поводу Машеньки. Пусть поживет с нами. И ничего страшного, если в этом сезоне не найдется подходящий жених. За кого попало мы ее не отдадим. Она девушка разумная и достойна того, чтобы выйти замуж за человека, к которому почувствует влечение. А до той поры, дорогая, не суетись. С октября начнем выезжать в свет, и я уверен, что нашу девочку ждет грандиозный успех. Я чувствую, что равных ей по очарованию в этом сезоне не будет.

– Да, – соглашалась с ним Зинаида Львовна и печально вздыхала, – я уверена: никто из девиц не сравнится с нашей Машенькой в красоте и тем более в скромности. Но я со страхом думаю о том дне, когда мы останемся совершенно одни. Митю мы годами не видим, а теперь и Маша скоро от

нас уедет. А я так к ней сердцем прикипела, ну прямо как к родной!

– Не огорчайся, матушка, – улыбался князь и обнимал жену за плечи. – Мы Машу непременно поближе к дому замуж отдадим, чтобы можно было чаще навещать. А на лето все ее семейство будем к себе в Полетаево забирать. Представляешь, как тут весело будет: малыши по поляне бегают, мамы-няньки их урезонить пытаются, вы с Машей в белых летних платьях, в шляпках, с зонтиками в руках по аллеям прогуливаетесь, а мы с зятем сидим на террасе, пьем кахетинское, курим сигары и беседуем о лошадях, видах на урожай и счастливы безмерно...

– Стареешь, Владимир Илларионович, – улыбалась княгиня и принималась в который уже раз перебирать кандидатуры наиболее достойных женихов Санкт-Петербурга и Москвы. Но князь, с присущей ему щепетильностью, в каждом из них находил массу недостатков, и, поссорившись несколько раз за вечер, супруги в конце концов мирились, чтобы на завтра вновь заняться обсуждением так занимавшего их вопроса.

Маша об их спорах не догадывалась и без особого желания откликалась на попытки княгини завести разговор о предстоящем сезоне и о том, что, вероятнее всего, последует ряд предложений и как нужно поступить в том или ином случае.

Втайне Маша, конечно, ждала начала сезона. Это был ее

первый настоящий выезд в свет, и сердце ее замирало в сладостных предчувствиях встречи с тем, кого она безумно полюбит и кто ответит ей такой же пылкостью и страстью. Он представлялся ей непременно жгучим брюнетом с черными усами и с горящим взором. Он будет неимоверно красив, смел и богат. Тут Маша всегда вздыхала. Богатство предполагаемого возлюбленного особого значения для нее не имело, гораздо романтичнее было бы полюбить бедняка, но она знала, что князь и княгиня ни за что не позволят ей выйти замуж пусть и за благородного, но несостоятельного жениха, и с этими мечтами она постаралась расстаться.

Так прошел июнь. В доме со дня на день ждали появления молодого князя. Маша видела его в последний раз семь лет назад и особых восторгов по поводу его предстоящего приезда не испытывала. Высокий и смазливый молодой человек, в которого превратился ее прежний друг и защитник, был слишком занят собою и считал ниже своего достоинства обращать какое-либо внимание на худенькую белобрысую девочку, с любопытством следившую за каждым его шагом и с готовностью выполнявшую любую его просьбу. Задрав высокомерно нос, он приказывал нести ему квасу или молока, а то и отгонять мух от лица, когда он изволил засыпать в гамаке в саду. И княгиня, и в особенности князь нещадно ругали сына за подобное отношение к девочке, но от того их слова отскакивали словно от стенки горох. Он продолжал как ни в чем не бывало использовать Машу вместо мальчика на по-

бегушках.

Но вскоре она взбунтовалась. В соседнем имении, верстах в трех от Полетаева, жил помещик Добродеев, у которого гостила племянница, девица лет двадцати по имени Тамара. Она говорила с явным французским прононсом (а возможно, это было следствием хронической простуды) и к тому же басом и своими пронзительными черными глазами, крупным носом и заметными усиками над верхней губой напоминала знаменитую грузинскую царицу. Так вот, Митя вдруг вздумал влюбиться в нее и затеял интенсивную переписку с дамой своего сердца, а Маше, естественно, определил роль почтальона. Поначалу она восприняла это как своеобразную игру, но обнаглевший до неприличия влюбленный вздумал отправить ее к дубу, дупло которого использовалось вместо почтового ящика, глубокой ночью, а идти туда нужно было мимо деревенского погоста, где, по слухам, в полночь видели какие-то странные фигуры в мерцающих одеждах. И Маша наотрез отказалась.

Рассерженный Дмитрий попытался вытолкнуть ее за дверь, но Маша уцепилась за дверную ручку, и как ни силился браваый мичман оторвать от нее упрямую девчонку, не слишком в этом преуспел. Затем он ухватил ее за ухо, чтобы знала, как почитать старших, но Маша больно пнула его по ноге и пообещала выцарапать ему глаза, чтобы он никогда не смог лицезреть свою «усатую тараканиху», как она до этого только про себя называла пассию Мити.

Раздосадованный молодой человек запустил в нее подушкой. Маша не осталась в долгу и метнула в него тяжелый валик с дивана. Мичман пригнулся, а валик вылетел в окно и упал аккурат на дворовую шавку Басурманку, та с истошным лаем и визгом промчалась по двору и успокоилась только в лопухах за забором, окружавшим усадьбу.

Несколько дней Митя делал вид, что в упор не замечает девочку. Князь и княгиня переглядывались и веселились от души, наблюдая, с каким гордым и неприступным видом их сын шествовал мимо их воспитанницы, а она прыгала следом за ним – худая, голенастая, похожая на молоденькую козочку – и строила за его спиной потешные гримасы, передразнивала его походку и жесты. Молодой человек не понимал, почему все окружающие заливаются хохотом, но в один прекрасный момент оглянулся и застал негодницу за исполнением ее фокусов.

В тот раз Маша едва спаслась от наказания на высокой березе, но от шуточек и поддразниваний так и не отказалась. Правда, стала гораздо осторожнее, и, как ни хотелось Дмитрию застать ее на месте преступления, она ловко увертывалась и убегала.

Но ему все-таки удалось проучить ее. И в достаточно неприятной ситуации. «Грузинская царица» неожиданно уехала, не попрощавшись и не объяснив причины своего отъезда. Гагаринов-младший погрузил несколько дней, побродил с туманным взором по дальним аллеям, повздыхал

вечерами на террасе и нашел себе новую забаву. Внезапно он обнаружил при господском доме нескольких молодых и красивых девок, которые не прочь похихикать и поиграть глазами с молодым барином. Мичман быстро наловчился вылавливать их в укромных закоулках дома, в саду или на заднем дворе и одаривать не совсем целомудренными поцелуями. Дальше больше, и как-то раз Маша заметила, что после обеда, когда князь и княгиня по обыкновению отправились в свою спальню для дневного сна, на сеновал прокралась рыжая Авдотья, вторая горничная Зинаиды Львовны, а следом торопливо, словно нашкодившая Басурманка, забрался по лестнице и Митя.

И что Маше взбрело в голову залезть на крышу сеновала, выковырять сучок и заглянуть в образовавшееся отверстие? В следующее мгновение кровля проломилась, и девочка приземлилась прямо на спину молодого негодника, который, в свою очередь, свалился на полураздетую Авдотью. Девка со страху заверещала не своим голосом и, кажется, потеряла сознание. Мичман выругался и успел ухватить зловредную девчонку за ногу...

После этого у Маши долго болело ухо, а Митя каждый раз, когда встречался с ней взглядом, обычно за обеденным столом, отчаянно краснел и прятал глаза. В тот раз он предстал перед родительской воспитанницей в непотребном виде и потому испытывал непомерный стыд и в какой-то степени страх перед разоблачением, ведь Маше ничего не стоило

рассказать князю, чем его сын изволит заниматься на досуге.

Но, слава богу, Маша не проболталась, и Владимир Илларионович не узнал о подвигах своего шустрого наследника, который с того времени полностью отдался чтению книг и верховым прогулкам. Перед отъездом Дмитрий попросил у Маши прощения. И хотя она приняла его извинения, но до сих пор не могла забыть обиду, ведь она любила Митю как брата, скучала по нему, надеялась на его дружбу, а он так по-свински обошелся с ней...

И теперешнего его приезда она ожидала со смешанным чувством: боялась этой встречи и вместе с тем верила, что он уже не посмеет обращаться с ней подобным образом...

Снизу донеслось ржание Ветерка. Маша открыла глаза. Верстах в двух от нее по дороге, ведущей к усадьбе, неслась четверка лошадей, запряженных в дорожную карету. Следом скакали два всадника.

Маша быстро поднялась на ноги, взгляделась в них из-под ладони и радостно подпрыгнула на месте. Похоже, один из всадников – Митя! Она стремглав сбегала с холма, вскочила в седло и по-мальчишечьи оглушительно свистнула. Ветерок с места взял в карьер, и через четверть часа девушка въехала в ворота, отстав от экипажа на каких-то две минуты.

2

На крыльце дома творилось что-то невероятное. Домашние слуги и дворня стояли на некотором удалении и с умилением на красных от полуденной жары лицах наблюдали за встречей отца и сына. Владимир Илларионович то принимался обнимать Митю, то трепал его за волосы, то отстранял от себя, восторженно заглядывал в глаза и с торжеством в голосе вскрикивал:

– Красавец, ну чистой воды красавец! Смотри-ка, и усы отпустил! А со щекой-то что? Что со щекой? Неужто шрам?

Сын пытался ответить и в свою очередь спросить о чем-то, но родитель вновь прижимал его голову к груди и прочувствованно всхлипывал.

Маша спешила и, не глядя, отдала поводья кому-то из конюхов. Сама же встала позади слуг и, приподнявшись на цыпочки, с любопытством принялась вглядываться в своего давнего обидчика.

Смотрела и не узнавала. Митя заметно раздался в плечах и, кажется, стал еще выше ростом. Темные волосы коротко подстрижены, под прямым с едва заметной горбинкой носом появились небольшие усы... Сильно загорелое лицо, обветренное, с жесткими складками возле губ, которые не исчезали даже тогда, когда он улыбался, – это был Митя, но только знакомый ей, совсем взрослый мужчина. И лишь улыбка

осталась у него прежней – озорной, разительно преображавшей его красивое лицо, отчего оно становилось более добрым и ласковым.

Маша всмотрелась пристальнее. Нет, глаза у него, конечно, те же – голубые, меняющие свой цвет в зависимости от его настроения, и нос он забавно морщит, почти как в детстве, когда смеялся над ее проказами. В последний свой приезд он больше сердился на нее, но его улыбку она не забыла и порадовалась про себя, что он почти не изменился, остался, несмотря ни на что, прежним Митей – веселым, проказливым, порой бесшабашным, но добрым и заботливым, когда это требовалось. И она сама виновата, что выводила его из терпения своими глупыми шутками и розыгрышами.

Маша вздохнула, быстро оглянулась по сторонам. Заметил ли кто, с каким пристальным и жадным интересом наблюдает она за молодым князем? Но окружавшие ее слуги смотрели в одном с нею направлении, никому не было дела до нее. Маша успокоилась и вновь окинула Митю придирчивым взглядом, отметив, что и в дорожном платье он не потерял военной выправки, она чувствовалась во всем – даже в повороте головы и в том, как прямо держал он спину...

Тем временем на крыльце воцарилась тишина, и сын, освободившись от отцовских объятий, бросился навстречу показавшейся из дверей высокой статной женщине – своей матушке.

Княгиня рыдала в голос, прижимая попеременно то к но-

су, то к глазам кружевной платочек. Митя обнял ее за плечи. Зинаида Львовна припала головой к его груди и затихла на мгновение, потом подняла на сына покрасневшие глаза и вновь залилась слезами:

– Митенька, сынок! Уже и не чаяла тебя увидеть! – Она всхлипнула, быстро перекрестила сына и, отступив на шаг, окинула его быстрым взглядом. – Хорош, хорош, ничего не скажешь! – И с гордостью посмотрела на мужа. – Гляди, Владимир Илларионович, ну чисто ты в молодости!

Князь смахнул слезу и улыбнулся:

– Что же ты, матушка, сына на пороге держишь? Милости просим, капитан-лейтенант Гагаринов, проходите в дом!

– Погоди, папенька! – Митя завертел головой, и Маша, проследив за его взглядом, заметила в толпе слуг еще одного молодого человека, почти такого же высокого, как князь, но более худого и бледного.

Митя быстро сбежал по ступенькам, взял молодого человека за руку и провел его сквозь расступившуюся толпу:

– Маменька, отец, познакомьтесь! Это мой друг еще с кадетского корпуса барон фон Кальвиц Алексей Федорович. Его родители сейчас в Италии, и я пригласил его пожить у нас, пока они не вернутся. Их имение в ста верстах отсюда, в Симбирской губернии...

– Знаком, знаком с вашим батюшкой, Алексей Федорович! – Князь пожал руку барону. – В молодости мы с ним не один приз на скачках брали, и сознаюсь, много раз он меня

на финише обходил. Большой любитель лошадей был Федор Иоганнович!

– Он до сих пор ими занимается, – улыбнулся барон, – только уже в скачках не участвует, а разводит лошадей для кавалерии.

– И об этом нам известно, самолично покупал у него двух вороных красавцев для государевых конюшен. Великолепные кони, право слово! – Князь похлопал гостя по плечу и подвел его к княгине. – Познакомься, матушка! Алексей Федорович, оказывается, сын моего старинного приятеля барона Кальвица.

Барон склонился к руке княгини и поцеловал ее, а Митя в недоумении посмотрел на отца:

– А Маша что же? Где она? Неужто уехала?

– О боже! – всплеснула руками Зинаида Львовна. – Действительно, куда она подевалась? Катерина, – окликнула она экономку, – Машеньку не видела?

– Да вон же она, барыня, – кивнула та в сторону девушки, попытавшейся спрятаться за широкой спиной одного из конюхов.

Митя радостно засмеялся, минуя ступеньки, спрыгнул с крыльца, схватил Машу в охапку и закружил ее по двору.

– Смотри, Алешка, какова у меня сестрица! – Он наконец-то поставил ее на землю и с восторгом оглядел с ног до головы. – А я все думаю, что это за казачок за слугами прячется, и невдомек мне, что это сестренка моя дорогая! –

Митя стянул с головы Маши папаху и покачал головой. – И впрямь совсем взрослая барышня! – Он вдруг обнял ее и крепко поцеловал в губы. Потом отстранил от себя, окинул придирчивым взглядом и улыбнулся. – Да, и самый главный сюрприз, что красавица каких поискать! Небось просватана уже? – Он посмотрел на мать. – Кто жених, сознавайтесь?

Князь укоризненно покачал головой:

– Узнаю своего сына! Не успел дорожную пыль с сапог стряхнуть, а уже не терпится все новости разузнать. Добро пожаловать в дом, гости дорогие! – Он посмотрел на сына, продолжающего обнимать Машу за плечи, и весело приказал: – А ну-ка, Марьюшка, живо переодеваться! Что же ты в мужском костюме гостей встречаешь? Подумают, что мы тебя в черном теле держим!

Через час обедали в парадной столовой. Маша в новом батистовом платье, украшенном маленьким букетом фиалок, сидела по правую руку от Владимира Илларионовича и почти не поднимала глаз от тарелки, боясь встретиться взглядом с Митей и выдать волнение, охватившее ее после его поцелуя. Он назвал ее сестрой, чего не бывало в прошлый его приезд, и встрече радовался по-особенному. Несомненно, он повзрослел, возмужал и, очевидно, забыл и о прежних стычках, и о былых обидах.

Ей было приятно, что он сразу же вспомнил о ней, то, как восхищался ее красотой, но... этот поцелуй... Зачем он только поцеловал ее?... На виду у всех, на глазах у родителей

и этого странного молодого человека с огромными темными глазами, заглядывающими, кажется, в самую душу. Барон сидел напротив Маши, и стоило ей поднять глаза, она тотчас же ловила его взгляд, задумчивый и немного печальный, словно этот юноша с тонкими правильными чертами худощавого и очень бледного лица хранил в себе какую-то грустную тайну.

Он больше молчал, лишь изредка обращался к княгине, хвалил то одно, то другое блюдо, отчего Зинаида Львовна заливалась румянцем от удовольствия и с еще большим усердием принималась потчевать гостя яствами, приготовленными по этому случаю старым поваром Климентием, китайцем по национальности, чье истинное имя никто так и не научился толком выговаривать. В конце концов китаец крестился и принял православное имя, которое в свою очередь ни разу не сумел правильно произнести, как и имена хозяев: вот уже добрых тридцать лет называл их не иначе как «капитана» и «мадама».

Митя ел быстро, весело, размахивал руками и хохотал во весь голос, когда узнавал очередную новость про соседей или хороших знакомых. Он то и дело подмигивал Маше и озорно косился на барона. Он уже знал, что Маша до сих пор не просватана, и несказанно радовался этому обстоятельству. Потирая руки, он во всеуслышанье заявил, что его друг не женат и Маше стоит приглядеться к нему повнимательнее. Чем вызвал небывалое смятение за столом: Маша отчаян-

но покраснела и чуть не заплакала от смущения, барон еще больше побледнел и сердито прошептал:

– Дмитрий, не зарывайся! Остынь-ка и знай меру, братец!

Князь покачал головой и переглянулся с женой. Их сын, несмотря на внешние изменения, по-прежнему говорил вслух все, что придет в голову, не слишком заботясь, какое впечатление произведет этим на окружающих.

Но Митя тут же забыл о своих словах и, перегнувшись через стол, спросил:

– А что, у Гурвичей гостит кто в этом году?

Помещик Гурвич был их ближайшим соседом и отличался особым хлебосольством, отчего летом в его имении всегда жили какие-то лохматые молодые люди, по виду студенты из разночинцев, худющие девицы с томными взглядами и желтыми прокуренными зубами. Многочисленные гости постоянно менялись, и, кажется, сами хозяева не могли запомнить, кто в это время проживает в их доме, отъедается за зиму, крутит скоротечные романы, флиртует и кокетничает, с визгом и хохотом плещется в купальне, а по вечерам, выпив хозяйского вина, сидит на террасе и проникновенно распевает русские песни и романсы.

В детстве Митя дружил с младшим сыном Гурвича Леонидом, и его желание побывать в соседнем имении было вполне объяснимым.

– Как не гостит! – вздохнула Зинаида Львовна. – Леонид в прошлом году женился на дочери какого-то чиновника из

Министерства иностранных дел по фамилии Недзельский. Батюшка твой его хорошо знает, а я всего-то раз и встречалась с ним, так что и не помню особо. – Она сделала глоток из бокала с вином и продолжала: – Девица оказалась неглупой, к тому же красивой и, говорят, держит Леонида в ежовых рукавицах...

– Завтра же отправлюсь к ним с визитом, – быстро сказал Митя и переглянулся с бароном. Княгиня заметила этот взгляд, и что-то в нем, видно, не понравилось ей, потому что она поджала губы и замолчала.

После обеда Маша поспешила укрыться в своей комнате, испытывая странное стеснение в присутствии Мити и в особенности его гостя. Но вскоре в дверь постучали. Она распахнула ее. На пороге стоял Митя и радостно улыбался:

– Маша, милая! Ты почему сбежала? Я хочу Алешке окрестности имения показать, а он просит, чтобы ты поехала с нами. Переодевайся быстрее, я уже приказал лошадей оседлать.

Митя исчез за дверью, а Маша некоторое время раздумывала, что же надеть по такому случаю. Почему-то ей хотелось выглядеть не так, как всегда, и поэтому она решила не облачаться в свой традиционный костюм для верховой езды – черкеску и папаху, а нарядилась в темно-голубую амазонку и надела маленькую шляпку с пером. Амазонка была подарком Зинаиды Львовны и очень шла к Машиним глазам, но девушка не любила ее: в этом случае приходилось поль-

зоваться дамским седлом, а она предпочитала мужское.

Молодые люди ждали ее у крыльца, куда конюхи подвели трех оседланных лошадей, и тут произошла небольшая заминка: на конюшне Маше по привычке приготовили мужское седло, и пришлось спешно менять его на дамское.

Князь и княгиня вышли проводить молодых людей. Зинаида Львовна была немного разочарована. Она надеялась, что сын пожелает отдохнуть после обеда, и думала поговорить с ним, разузнать подробности его жизни за эти долгие семь лет, выведать кое-какие секреты и, главное, выяснить намерения на будущее. Митя мимоходом проговорился, что ждет изменений в своей карьере, которые позволят ему видаться с родителями чаще и, возможно, в какой-то степени благотворно повлияют на его дальнейшую жизнь.

Княгиня сгорала от нетерпения, но неугомонное детище, как всегда, не могло усидеть на месте и затеяло верховую прогулку вместо того, чтобы остаться дома и удовлетворить родительский интерес.

Молодые люди уехали кататься, а князь и княгиня удалились в спальню. Но распорядок дня был уже нарушен, утренние волнения взбудоражили старших Гагариновых, и в конце концов Владимир Илларионович велел лакею принести на террасу холодного квасу и устроился в кресле покурить трубку. Вскоре и Зинаида Львовна захватила вышивание и присоединилась к мужу.

Некоторое время они молчали, переживая в душе радост-

ные минуты встречи с сыном.

Первой не выдержала Зинаида Львовна:

– Митенька-то совсем взрослым встал. Пора, наверно, и о женитьбе подумать.

– Ох, матушка, – покачал головой князь, – посмотри на него, он еще в игры не наигрался. Все бы скакать ему да бегать! Успеет еще жениться, пусть повеселится, отдохнет от службы, а потом видно будет!

– Как бы не избаловался, батюшка! Сейчас барышни пошли себе на уме, так и норовят кого побогаче да познатнее в мужья заполучить, потому не считаются ни с чем, хитрят, обманывают...

– Не бойся, *ma chère*, Митя весь в меня! Я ведь тоже любил в молодости и покутить, и повеселиться, но к родительским советам прислушивался и женился, когда срок пришел, на красивейшей и умнейшей из всех женщин. – Владимир Илларионович склонился к жене и ласково поцеловал ее в щеку.

Зинаида Львовна зарделась от смущения и с нежностью посмотрела на мужа:

– Мне очень хочется, чтобы Митя был так же счастлив, как и мы с тобой, *mon cher*!

Князь внезапно оживился, отложил в сторону трубку и озорно улыбнулся:

– Но в одном он, несомненно, изменился, ты не находишь, дорогая?

– Ты имеешь в виду его отношение к Машеньке?

– Вот еще одно подтверждение тому, что я женился на необыкновенной женщине. – Князь хитро прищурился. – Признавайся, ты и остальные мои мысли так же легко читаешь?

– А ты еще сомневаешься? – рассмеялась в ответ жена. – За тридцать лет жизни с тобой я научилась не просто читать твои мысли, а даже предугадывать их. Ты ведь подумал о том, как хорошо Митя встретился с Машенькой, и несказанно рад, что он назвал ее сестрой? Но у тебя ведь все на лице написано, так что особых трудов не составляет догадаться, о чем ты в сей момент думаешь.

Князь пожал плечами и усмехнулся:

– Нашла чем удивить, и я про тебя то же самое могу сказать. Ты прямо расцвела вся, когда увидела, что он к ней как к родной бросился!

– Право слово, обрадовалась, – перекрестилась Зинаида Львовна. – Слава богу, что все так хорошо получилось, а то я грешным делом побаивалась, вдруг у них опять ссоры да обиды начнутся. И барон, друг Мити, мне понравился. Такой приятный молодой человек, только худой больно, но я уж постараюсь откормить его.

– Постарайся, матушка, постарайся! Юноша он неплохой, по всему видно! И состоянием приличным обладает! Ты заметила, как он на Машеньку поглядывал? Смотри, как бы нам не пришлось ее уже в этом году замуж отдавать.

– Побойся бога, Владимир Илларионович, – замахала руками княгиня, – полдня не прошло, как он наш порог переступил, а ты уже планы строишь, смотри, сглазишь. Может, он пьяница или болеет чем? Вид-то у него не ахти! Или тебе не терпится от Машеньки быстрее избавиться, так скажи, не таи.

– Бог с тобой, дорогая! – нахмурился князь. – Машу я люблю не меньше, чем Митю, и ничего, кроме счастья, им не желаю. Но согласись, лучше отдать ее за человека нам известного, чем за богатого, о котором мы ничего не знаем. Со старшим бароном мы с юности знакомы. Федор Иоганнович – человек честный и порядочный. Немного суховат и педантичен не в меру, но он из тех моих знакомых, на кого я могу положиться при случае без колебания...

* * *

Молодые люди успели тем временем отъехать от имения верст на пять, а то и более. Митя не находил себе места от восторга и бурно радовался, стоило им оказаться в том или ином заветном местечке. О многих он подзабыл за долгие годы отсутствия, а они вдруг появлялись, словно из небытия, напоминая о безмятежной поре детства, мальчишеских шалостях и забавах...

Тихие, укрывшиеся в тени ракушек речные заводи, прозрачные, кишасщие рыбьей мелочью озера, заливные луга, на ко-

торых пасли в ночном коней, дубравы, где каждый листок – словно нанизанный на веточку золотой слиток, так сильно пропитан он солнечным светом и теплом...

Наконец они спешили у Богатырского холма. Митя и Алексей бросили тужурки на землю и прилегли на них, подставив лица прохладному ветерку, тихо шелестевшему травами и вершинами ракии на берегу Сороки. В небе заливались на все лады жаворонки, в траве – кузнечики, одуряюще пахло мятой, чабрецом. Розовый иван-чай и желтые метелки донника укрыли основание холма, а дальше до самого берега простерлась поляна, сплошь белая от расцветшего нивяника. Крупные ромашки так и просились в букет, точно малые теллята толкались головками в колени, в ладони, и Маша незаметно для себя отходила все дальше и дальше от задремавших молодых людей, которых она по-прежнему стеснялась.

За время прогулки она едва перемолвилась с ними парой слов, смущаясь и краснея, если Митя или барон обращались к ней с вопросами. Да и друзья, похоже, не слишком страдали от ее молчания. Митя говорил и смеялся почти безостановочно. Алексей вел себя более спокойно. Правда, Маша несколько раз поймала на себе его быстрый взгляд, и ей показалось, что гость не прочь поговорить с ней, если бы не Митя со своими восторгами и болтовней...

Маша вернулась через час с большим букетом нивяника. Молодые люди уже проснулись и тихо переговаривались между собой. Маша, чтобы не мешать им, пристроилась на

камне в тени кустов уже отцветающей таволги и принялась разбирать цветы. Наиболее крупные она отложила для букета, а из мелких сплела три венка. Один тут же надела на голову, а два других взяла в руки и поднялась с камня, намереваясь подойти к Мите и барону. Венки получились отменные, и она улыбнулась, представляя, как забавно они будут смотреться на головах у молодых людей.

Митя и Алексей уже не лежали. Теперь они сидели на траве и, как показалось Маше, о чем-то спорили. Она сделала несколько шагов и вдруг замерла, услышав свое имя.

– ...Маша – чудесная девушка, – быстро и раздраженно говорил Митя, – но о ней и речи не может быть. Скажи на милость, как я должен относиться к ней, если она выросла на моих глазах? Я ее очень люблю, она мне дорога как сестра, не более.

– Но мне показалось, – тихо сказал барон, – что тебе нужна именно такая девушка, милая, скромная, спокойная. Признайся, Машенька необычайно красива. Истинно русская красавица!

– Вот и продолжай к ней присматриваться, даст бог, еще и породнимся! – Митя со всего размаха хлопнул приятеля по плечу и рассмеялся. – Я и так уже влюблен в самую красивую девушку на земле и надеюсь скоро сделать ей предложение. Надо только узнать у Марии, приехала ли Алина к Гурвичам. Она клятвенно заверила меня, что родители намерены отправить ее на все лето к сестре в имение.

– Подальше от ухаживаний великого князя, как я полагаю? – Маша поняла по голосу, что барон усмехается.

– А это не твое дело! – взорвался вдруг Митя, вскочил на ноги и тут заметил Машу, застывшую в десятке шагов от них. Он весело всплеснул руками. – Смотри, Алешка, что за чудо! Истинная дриада² к нам в гости пожаловала!

Он подбежал к девушке, подхватил на руки и, не успела Маша опомниться, вновь поставил ее на ноги уже рядом с бароном. Отступив на шаг, Митя окинул их придирчивым взглядом и вдруг взял из рук у Маши венок и водрузил его на голову приятеля. Барон посмотрел на девушку и сконфуженно улыбнулся, а Маша не удержалась и прыснула. Алексей своим видом напомнил ей большой растрепанный подсолнух, одиноко торчащий среди опустевшего поля. Он попытался снять венок с головы, но Митя не позволил, а неожиданно вложил руку Машину в руку барона и дурашливо затянул:

– Венчаются раб божий Алексей и раба божия Мария!..

– Дмитрий, прекрати! – успел крикнуть Алексей, а Маша выдернула свою руку из его ладони и, не разбирая дороги, бросилась к прибрежным кустам. Нет, ничего не изменилось! По-прежнему Митя ведет себя по-свински, не понимая, в какое неловкое положение ставит ее перед совершенно незнакомым человеком. И зачем она согласилась на эту поездку?

² Лесная нимфа.

Ивовые ветки больно хлестали по лицу. Митя догнал ее около реки, схватил за руку и привлек к себе:

– Ну что ты, дурочка, обижаешься! Алешка на мои шутки давно уже внимания не обращает. Я ведь не со зла! Вы и вправду рядышком прекрасно смотрите, но это не значит, что я сию минуту готов вас сосватать. Барону месяц у нас жить, что же, ты так и будешь от него шарaxаться?

Он ласково погладил ее по спине и, склонившись ниже, дунул на легкий завиток, выглядывающий из-под венка:

– Я тебя никому в обиду не дам, а Алешка мой лучший друг, и я его знаю, как самого себя! Уверяю тебя, он все воспринял как шутку.

– Митя, дай слово, что никогда больше не станешь выстав-лять меня на посмешище, – всхлипнула Маша и подняла на него заплаканные глаза. – Я не хочу, чтобы обо мне думали, будто я только и мечтаю поскорее выскочить замуж!

– А разве это не так? – хитро прищурился Митя. – Или у тебя уже есть кто на примете, только ты скрываешь от брата? Сознаться! – Он слегка тряхнул ее за плечи и, взяв пальца-ми за подбородок, попытался заглянуть девушке в глаза.

Но Маша сердито дернула головой, стараясь освободиться из его рук.

– Ах, так! – Митя левой рукой перехватил ее за запястья, а правой с еще большей силой прижал к себе.

– Отпусти сейчас же! – взмолилась Маша.

– Отпущу, – Митя слегка ослабил хватку на запястьях, но

продолжал обнимать ее, – отпущу, если признаешься, в кого влюблена. Наверняка это кто-нибудь из соседей...

– Ни в кого я не влюблена! – Маша рассердилась не на шутку. Вдобавок еще веночек почти развалился и надвинулся на глаза. Она попробовала сбросить его с головы, но веночек сполз еще ниже, и она уже почти не видела Митю, смотревшего на нее со странной улыбкой – немножко удивленной, немножко...

Он и сам не смог бы объяснить, что за странное чувство испытывает при виде этой девчонки с раскрасневшимися щеками, растрепавшимися русыми волосами и маленьким хорошеньким носиком, выглядывающим из-под разломаченного венка. Пытаясь что-то сказать, она слегка приоткрыла рот и провела языком по верхней губе. И вдруг, совершенно не понимая, что с ним происходит, Митя прильнул к этим нежным, совсем еще детским губам в далеко не братском поцелуе.

Маша вздрогнула, попыталась оттолкнуть его, но в следующее мгновение почувствовала, что его рука отпустила ее запястья и прижалась к затылку, поцелуй стал еще настойчивее. Митя на миг отстранился, что-то прошептал и вновь припал к ее губам, осторожно обвел их контуры кончиком языка, и они приоткрылись, пропуская его дальше... Девушка ощутила, что его язык раздвигает ей зубы, проникает внутрь, и задохнулась от испуга. Мало того, что она никогда не целовалась с мужчиной, она даже не предполагала,

что ее первый поцелуй будет настолько бесстыдным и полным откровенной страсти. А что он именно такой, она поняла по тому, как простонал вдруг Митя и его пальцы буквально впились в ее спину и затылок.

«О господи! Что я делаю!» – успела подумать Маша и изо всех сил оттолкнула Митю от себя.

Застигнутый врасплох, Гагаринов-младший отпрянул от нее и с недоумением посмотрел на девушку:

– Маша, что случилось?

– Как ты смеешь! – Маша стянула с головы венки и со всего размаха съездила им по княжеской физиономии. – Ты что себе позволяешь? Думаешь, что за меня некому заступиться, и смеешь обращаться со мной, как с дворовой девкой? Ошибаешься, братец! Я сама в состоянии постоять за себя, и учти, добром это для тебя не кончится!

Митя покраснел и попытался взять ее за руку, но она отступила на шаг и убрала руки за спину. Тогда он тоже отступил от нее, вытащил из-за пояса плетку и принялся вертеть ее в руках, старательно пряча глаза.

Какое-то мгновение они молчали, постепенно сознавая, что же такое они натворили...

Митя, то краснея, то бледнея, заговорил первым. Но по-прежнему не глядя ей в глаза.

– Прости, не знаю, что на меня нашло! Очевидно, я так и не смогу относиться к тебе как к младшей сестре. Ты взрослая и очень красивая девушка и способна возбуждать у муж-

чины определенные желания.

Он вздохнул и оглянулся. В просвете между деревьев видны были лошади и дожидавшийся их барон. Он с нетерпением вглядывался в кусты, укрывающие Машу и Митю.

Митя опять виновато посмотрел на Машу и попросил:

– Если сможешь, забудь про этот поцелуй. Он ровно ничего не значит. И я даю тебе слово, что никогда более не позволю себе подобных вольностей. Тем более... – он замялся на мгновение и тихо добавил: – Я люблю другую женщину и намерен к зиме жениться на ней.

– Кто она? – шепотом спросила Маша, неизвестно почему почувствовав вдруг, что ее сердце словно окунули в ледяную прорубь и оно вот-вот превратится в сосульку.

– Ее зовут Алина Недзельская. Она свояченица моего старшего товарища Леонида Гурвича. По моим подсчетам, она должна уже приехать, и я намерен завтра с утра нанести визит Гурвичам. Надеюсь, ты не откажешься поехать с нами в гости?

– С кем – с вами? – произнесла Маша тихо, стараясь не расплакаться.

– Как с кем? – удивился Митя. – Со мной и с Алексеем. Советую тебе быть с ним внимательнее. Он едва-едва оправился от тяжелейшего ранения. Меня в том бою слегка осколком задело, вот смотри, какую отметину от турецкой картечи заработал.

Он склонился к Маше, и она, неожиданно для себя, кос-

нулась пальцами небольшого красноватого рубца чуть ниже уха и ласково погладила его.

Митя опять покраснел и прижал ее пальцы к своей щеке:

– Мария, не шути так со мной! Иначе я опять что-нибудь не то сделаю!

– Митя, Маша! Где вы там? – раздался поблизости голос барона. Митя с недовольным видом оглянулся и отнял свою ладонь от Машиной руки.

Девушка пригладила волосы и, вздохнув, направилась следом за Митей навстречу барону, пробиравшемуся к ним через заросли молодого ивняка. Митя придержал шаг, взял Машу за руку и повел, как маленькую, к поляне, заботливо отводя ветки от ее лица.

Барон встретил их на полпути и взял Машу за другую руку. В отличие от Митиной, его ладонь, несмотря на жару, была холодной, и Маша вновь почувствовала странный озноб. И ужас. Она поняла, что более всего на свете хочет сию же минуту вернуться на берег реки и чтобы Митя опять поцеловал ее. Маша судорожно вздохнула. Барон посмотрел на нее задумчиво, с едва заметной печалью, словно разглядел в ее глазах что-то, до сих пор ей самой неведомое и оттого непонятное.

3

– Вам скучно, Машенька? – Барон Алексей Кальвиц слегка наклонился к девушке и коснулся ее локтя кончиками пальцев. – Позвольте пригласить вас прогуляться к реке, если не возражаете?

– Не возражаю, – тихо сказала девушка и подала ему руку. Они спустились с крыльца террасы, на которой шла веселая игра в шарады. Митя весь светился от счастья и не замечал вокруг никого, кроме милой его сердцу Алины. Весь день он не отходил от нее ни на шаг, не обращая внимания на многозначительные взгляды родителей и шуточки своего давнего приятеля Леонида Гурвича. Бодрый толстячок был без ума от своей красавицы жены Елизаветы Михайловны, особы сдержанной и молчаливой и, очевидно, не совсем одобрявшей слишком шумное проявление чувств и неумеренный восторг, которые Митя демонстрировал все эти дни по отношению к ее сестре...

На следующий после приезда день Митя в сопровождении барона отправился с визитом к соседям. И теперь дня не проходило, чтобы он не появлялся в их имении или все многочисленное семейство Гурвичей в сопровождении доброго десятка гостей не прибывало с ответным визитом в Полетаево.

Маша в тот раз поехать к Гурвичам наотрез отказалась,

сославшись на головную боль. После злополучной прогулки она стала испытывать еще большую неловкость в присутствии Мити и барона. Стараясь лишней раз не попадаться им на глаза, она попросила приготовить ей комнату в дальнем от дома флигеле, прятавшемся в тени огромных старых лип, объяснив свое желание тем, что в доме слишком жарко и шумно.

С приездом Мити в семье воцарились суматоха и какое-то особое напряжение, отчего все в доме испытывали немислимое беспокойство. Прознав о появлении молодого князя, в имение зачастили гости – соседи-помещики с чадами и домочадцами. Все спешили выказать свое расположение и разделить радость старших Гагариновых по поводу приезда сына. Все эти визиты неизменно сопровождались застольем, танцами, заканчивались далеко за полночь, но не успевали хозяева свободно вздохнуть после отъезда гостей, у ворот появлялся новый экипаж, а то и два – и все начиналось сызнова...

Зинаида Львовна старалась не показывать, насколько она устала, но Маша видела, что под прекрасными карими глазами княгини залегли тени, а у губ выступили тонкие морщинки. С гостями она была неизменно весела и приветлива, легко танцевала польку и мазурку, кружилась в вальсе с Владимиром Илларионовичем или с кем-то из гостей, но однажды Маша застала ее плачущей в своем будуаре.

– Что с вами? – Маша присела рядом с ней на подлокотник

кресла и обняла за плечи. – Кто вас обидел?

– Никто меня не обидел. – Зинаида Львовна всхлипнула и смущенно улыбнулась девушке. – Я сама себя обидела. Думала, Митя приедет и, как в детстве бывало, ни на шаг от меня не отойдет, а оно все не так повернулось. С Владимиром Илларионовичем еще найдет время словом переброситься, а со мной и не поговорил как следует ни разу. Две недели уже прошло, а он все больше у Гурвичей пропадает. Дома если и появится, то опять же только гостями и занят. А эти бесконечные танцы, шум, смех, суматоха!.. Как я устала от всего этого, Машенька. Потом эта девица, Алина! Она ж ему весь свет затмила! Только и слышишь: «Алина, Алина!..» Честно сказать, я не нахожу в ней ничего особенного и не понимаю, из-за чего вдруг Митя потерял голову.

– Она очень красива, Зинаида Львовна, – тихо сказала Маша и погладила ее по руке. – А Митя уже в первый день заявил, что намерен вскоре жениться на ней.

– Вот видишь, а разве он с родителями посоветовался, попросил их благословения?

– Она вам не нравится? – спросила Маша и отвернулась, чтобы княгиня не заметила, как она покраснела при этом.

– Как тебе сказать, – пожала плечами Гагаринова, – конечно, Алина – весьма смазливая девица, тут мне нечего возражать, но только уж очень молчалива и надменна, точная копия своей сестрицы. Та тоже если слово молвит, то словно целковым всех одарит. И мне кажется, что и Алине, и Ели-

завете Михайловне иногда бывает стыдно за Митино поведение, а порой он явно раздражает их.

– Не знаю, я такого не замечала. Правда, Алина зачастую слишком высокомерно, на мой взгляд, разговаривает с некоторыми из ваших гостей. Мне она тоже решила показать свой характер, но я быстро поставила ее на место. И теперь, кажется, она старается не замечать меня.

– И что же ты такое сказала ей, дорогая моя девочка?

– Она попыталась сделать мне замечание по поводу сервировки чайного стола, а я порекомендовала ей держать свои советы при себе до того случая, когда она станет здесь хозяйкой, если, конечно, когда-нибудь это произойдет.

– Но тебе этого не очень хочется, Машенька?

Маша пожала плечами и не ответила, а Зинаида Львовна вздохнула и печально сказала:

– Да-а, не о такой невестке я мечтала, но делать нечего, против воли сына я не пойду, и если он считает, что Алина более всего подходит ему в супруги, значит, так тому и быть...

Вечерами Маша, не дожидаясь, когда стихнет веселье, убегала в свой флигель, чтобы быстрее лечь в постель и спокойно восстановить в памяти события минувших дней. Несмотря на присутствие признанных светских красавиц сестер Недзельских, она пользовалась не меньшим и бесспорным успехом у сыновей окрестных помещиков, а граф Барятьев, овдовевший два года назад, признался ей в любви

и просил у Владимира Илларионовича руки его воспитанницы. Но Маша наотрез отказала ему, хотя он, как никто другой, подходил под тот романтический образ, который совсем недавно рисовало ее воображение. Граф был необычайно красив, галантен, к тому же имел приличное состояние и, самое главное, был всего на десять лет старше Маши.

Зинаида Львовна попыталась убедить Машу не отвергать Брятьева столь решительно и попросить у него время, чтобы подумать над его предложением. Но князь заявил, что никоим образом не хочет выдавать Машеньку замуж против ее желания, и тоже отказал графу, который сразу же покинул Полетаево и, по слухам, вскоре вернулся в Петербург, а потом, кажется, уехал то ли в Ниццу, то ли в Канны.

Барон был более сдержанным в проявлении своих чувств, не преследовал Машу ухаживаниями и не докучал комплиментами. Из-за плохо зажившей раны на ноге он почти не танцевал и проводил вечера большей частью в кресле где-нибудь поблизости от старших Гагариновых.

За последние дни они почти не разговаривали друг с другом, тем более никогда не оставались наедине, но Маша постоянно ощущала на себе взгляд темных, смотрящих чуть исподлобья глаз. Иногда они встречались глазами, и девушка поспешно отводила взор, испытывая странное чувство, будто кто-то неизвестный проникает к ней в душу и цепкими сильными пальцами сжимает ее сердце, отчего оно превращается в маленький кусочек льда. В последнее время непо-

нятное беспокойство поднимало ее из постели, и она ночь напролет мерила шагами спальню, подходила к окну и распахиwała его настежь, всматриваясь напряженно в густую ночную темноту, окутавшую притихший старинный парк.

Из-за деревьев, закрывавших от нее господский дом, доносились веселая музыка, смех, взрывы шуток и крики восторга, когда над кронами деревьев взлетал вверх разноцветный сноп фейерверка.

В эти минуты Маша особенно сильно чувствовала свое одиночество, заброшенность и ненужность. С каждым днем все настойчивее и упорнее ее кружило, манило, затягивало в сладостный омут, а то вдруг заставляло витать в облаках необычное, совершенно неизвестное до сей поры ощущение. Воображение дополняло его прекрасными видениями, от которых мучительно ныло сердце, ведь Маша ясно понимала, что ее мечтам, слишком смелым и оттого нереальным, никогда не суждено сбыться. Но она до сих пор просто-напросто не подозревала, что и тревоги ее, и волнения – не что иное, как предчувствие любви, которая пропитала воздух, вобрала в себя ароматы лета и наполнила ожиданием счастья сердца молодых людей, гостивших этим летом в ближайших имениях.

В самом же Полетаеве вся атмосфера, весь воздух казались настолько пронизанными любовью, что даже отъявленные холостяки вдруг начинали красноречиво вздыхать и посылать томные взгляды в сторону какой-нибудь уездной Аф-

родиты. И недаром Маша, для которой все было впервые, никак не могла разобраться в охвативших ее странных желаниях, маялась, страдала, но ответов на свои вопросы не находила...

Вечером проходу не было от парочек, гуляющих по аллеям парка, уединившихся в беседках или в тенистых зарослях на берегу пруда. Тихие шепоты, звуки быстрых поцелуев, смущенный смех барышень преследовали ее повсюду, и Маше приходилось быть постоянно начеку, чтобы ненароком не натолкнуться где-нибудь в особо укромном месте на самозабвенно воркующих влюбленных. И до поры до времени ей это удавалось, пока сегодня после обеда она не отправилась прогуляться верхом.

Задумавшись, Маша отпустила поводья и не заметила, как Ветерок доставил ее к подножию Богатырского холма. Наконец-то она была одна и могла вдоволь насладиться тишиной и покоем, которых ей так недоставало в княжеском доме.

Она спешила, отпустила Ветерка пастись, а сама устроилась в тени огромного камня с каким-то французским романом в руках. Но роман на этот раз попался невероятно скучный, к тому же она почти не спала ночью, поэтому немудрено, что, прочитав первые две страницы, она незаметно для себя вначале задремала, а потом крепко заснула.

Разбудили ее громкие голоса по другую сторону камня, за которым она лежала. Маша подняла голову, выглянула из-за него и тут же испуганно пригнулась.

Рядом с ее камнем на траве сидели Митя и Алина, чуть ниже виднелась легкая коляска, на которой они приехали сюда.

Митя обнимал девушку за плечи и быстро, взволнованно говорил:

– Вы не должны об этом волноваться. С осени я начинаю службу в Морском гвардейском экипаже и могу жить в городе. Я уже разговаривал с батюшкой. Он готов предоставить нам свой дом в Петербурге. Вам он должен непременно понравиться. Только не стоит затягивать со свадьбой, прошу вас, дорогая.

Алина что-то тихо ответила ему, и Митя, похоже, улыбнулся:

– Об этом не беспокойтесь, по службе мне еще ни разу не сделали замечания из-за моего, как вы изволили заметить, легкомысленного поведения. Поверьте, в мундире я жутко суров и чертовски серьезен и службу исполняю наилучшим образом.

Алина опять что-то сказала, и Маша по ее тону поняла, что она сердится.

– Не сердитесь, прошу вас. – Слова Мити подтвердили догадку Маши, а те, что он сказал следом, повергли ее в изумление. – Вы не должны ревновать меня к Маше. Я неоднократно объяснял вам и прошу понять, что я не испытываю к ней ровно никаких чувств, кроме братских. И хотя она мне не родственница, уверяю вас, я люблю ее только как млад-

шую сестру, не больше!

– Но почему вы провожаете ее взглядом всякий раз, когда она проходит мимо? – слегка повысила голос Алина.

– Господи, – вскричал Митя, – она всю жизнь прожила в нашем доме, она такая же неотъемлемая его принадлежность, как стул, диван или каминные щипцы. И, естественно, если кто-то чужой берет эту вещь, то есть приглашает Машу на танец, то я невольно провожаю ее взглядом.

– Только не кривите душой, – сказала капризно Алина, – следят глазами обычно за дорогой, особо ценной вещью, которую боятся потерять.

– Алина, – сказал Митя мягко, – только не придумывайте того, чего нет и никогда не будет. Или вы уже жалеете о том, что позволили мне полюбить вас? Учтите, теперь я просто так не отступлю и собираюсь отправиться вслед за вами в Петербург и просить вашей руки. Надеюсь, ваш папенька не будет против?

– Папенька в любом случае не будет против, – с явным недовольством в голосе произнесла Алина, – но вы должны отдавать себе отчет, что женитьба весьма ответственное и серьезное дело, а ваш чересчур шумный и веселый нрав, обилие друзей и знакомых вызывают у меня некоторые опасения по поводу нашей совместной жизни. В моей семье все подчиняется определенному распорядку, и я ни в коем случае не намерена изменять его, когда выйду замуж...

– Алина, дорогая! Я обещаю вам, что приложу все усилия,

чтобы вы были счастливы не меньше, чем в доме своего...

Митя не успел договорить. Соскучившийся Ветерок выбежал из ложбины, в которой он обычно пасся, и радостно заржал, обнаружив, что хозяйка за время его отсутствия никуда не исчезла. И Маше ничего не оставалось, как подняться из-за камня и виновато развести руками.

Митя на мгновение потерял дар речи, несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, потом побледнел, яростно сверкнул глазами и, повернувшись к Алине, попросил:

– Дорогая, пройдите, пожалуйста, к коляске, я должен поговорить с этой бесцеремонной особой тет-а-тет!

Алина, поджав губы, смерила Машу презрительным взглядом и, гордо вскинув тщательно причесанную головку в белоснежной, отделанной кружевами шляпке, прошествовала к коляске.

Митя одним прыжком преодолел расстояние до камня, ухватил Машу за плечи и яростно встряхнул:

– Опять за старое взялась, голубушка? Мало я тебе уши в детстве драл, дрянь ты этакая!

– Митя, – Маша была потрясена до глубины души, – я совершенно случайно оказалась за этим камнем. Кто же знал, что вы здесь остановитесь?

– Так я тебе и поверил! Я прекрасно понимаю, почему ты так себя ведешь! Вероятно, вбила себе в голову, что я захочу когда-нибудь жениться на тебе? – Он закинул голову назад и громко рассмеялся. – Смею тебя заверить, все эти сказки

о принцах и бедных красавицах – романтические бредни, в которые верят дурочки вроде тебя. Неужели ты думаешь, что я способен полюбить воспитанницу моей матери? – Он презрительно усмехнулся. – Пожалеть могу, это мне труда не составит, но жениться – увольте...

И на этот раз фраза осталась незаконченной. Оглушительная пощечина заставила оглянуться Алину и нервно вздрогнуть Ветерка. Конь всхрапнул и скосил глаз на свою красную от злости хозяйку, которая стояла перед младшим Гагариновым в позе петуха, готового нанести последний, сокрушительный удар своему противнику. Но, похоже, Мите вполне хватило и одной пощечины. Он гневно сверкнул глазами, открыл было рот, но ничего не сказал, скривился в усмешке и почти с ненавистью посмотрел на Машу.

Девушка с вызовом встретила его взгляд:

– Заруби себе на носу, Митенька, что ты излишне высокого мнения о своей персоне! И если бы пришлось выбирать между тобой и жалким, в коростах каторжником, я, конечно же, отдала бы предпочтение ему!

– Ну что ж! Я постараюсь доставить тебе подобное удовольствие! – Митя даже задохнулся от бешенства, и его пальцы вновь стиснули ее плечи. – Если ты вздумаешь вновь подглядывать за мной, пощады не жди! В нашей семье тебе тогда определено не жить! И учти, барона тебе тоже не видать как собственных ушей. Я-то, дурак, доброе дело затеял, хотел, чтобы он женился на тебе. Слава богу, ты вовремя по-

казала свою гнусную душонку!

Маша что было силы оттолкнула его от себя и в мгновение ока оказалась в седле. Свесившись с Ветерка, она приблизила свое лицо к Митиному и, выделяя каждое слово, сказала:

– Проваливай к своей дохлой селедке, светлейший и сиятельнейший Дмитрий Владимирович! Уж она-то тебя осчастливит, это точно! Айн, цвай, марширен! По одной дощечке будешь ходить и радоваться, если тебя в очередной раз коленями на горох не поставят!

Последние слова она произнесла отчетливо и громко и с тайным злорадством отметила, что они, несомненно, достигли ушей Алины. Иначе с чего бы ей так побледнеть?

Маша по-казачьи лихо свистнула, ударила коня плеткой по крупу и на полном скаку миновала коляску и застывшую в испуге Алину. Комья дерна, выбитые копытами Ветерка, фонтаном брызнули в ее сторону. Девушка вскрикнула и пошатнулась.

Маша оглянулась и, прежде чем скрыться в лесу, заметила, что Митя нежно обнимает Алину и, кажется, целует ее...

– Маша, – прервал ее мысли барон и осторожно поддержал под локоть, – позвольте помочь вам...

Они спустились по крутым каменным ступеням к реке и присели на широкую скамью под старой липой.

Тихо-тихо струился над ними теплый вечерний воздух, огромная луна, похожая на медный таз для варенья, медленно вставала над парком по другую сторону реки. В кроне ли-

пы завозилась какая-то птаха, и на шляпку Маши упала сухая веточка. Заунывно, словно по покойнику, провыла где-то на задворках усадьбы собака, и девушка еще плотнее закуталась в шаль, которую Зинаида Львовна успела набросить ей на плечи, когда Маша спускалась с террасы.

– Вы замерзли, Мария Александровна? – нарушил молчание барон. – Позвольте предложить вам мой сюртук. – И, не дожидаясь ответа, накинул его Маше на плечи. Она поблагодарила его взглядом и снова хотела отвернуться. Сегодняшнее настроение не располагало к разговорам, и на прогулку с Алексеем она пошла, не смея отказать ему, ведь он впервые попросил ее об этом...

Барон был единственным молодым человеком, к которому она относилась с уважением и, помня о его военных подвигах и серьезной ране, даже с почтением.

– Машенька, – Алексей взял ее за руку и неожиданно прижался к ней губами, – я уже давно искал момента встретиться с вами наедине. Не сегодня-завтра я покину ваше имение, и перед расставанием я хотел бы объясниться с вами.

– О чем же, Алексей Федорович?

Маша не отняла руку, а лишь слегка сжала пальцы барона, и он, приняв это за одобрение, быстро и взволнованно сказал:

– Я намерен поведать вам о своих чувствах, которые испытываю с того момента, когда впервые увидел вас.

Он перевел дух и продолжал уже более решительно:

– Вы самая красивая и очаровательная из всех девушек, каких я когда-либо встречал в жизни. У вас прекрасный характер, вы умны и отлично образованны. – Он опять вздохнул, помолчал долю секунды и произнес с необычной для него твердостью: – Я люблю вас, Мария Александровна, и прошу стать моей женой.

Маша вздрогнула. До сей поры все, что говорил ей барон, она воспринимала будто со стороны. Вот сидят под густой липой двое молодых людей, разговаривают между собой, кто-то кому-то признается в любви... Но последние слова Кальвица словно пробудили ее ото сна, и она с удивлением посмотрела на него:

– О чем вы говорите, барон? Ведь я вас совсем не знаю... Нет, нет. – Она слегка отодвинулась от него и растерянно посмотрела в бледное лицо Алексея. – Вам все это кажется. Через месяц-другой вы вернетесь на свой корабль, и сегодняшний разговор представится вам смешным и нелепым. Вы испытаете смущение и раскаяние и расцените этот поступок как недопустимое ребячество и ничего более.

– Маша, милая, я все понимаю, – барон снова взял ее руку и осторожно сжал ее в ладонях, – потому и не тороплю с решением. Но, поверьте, я искренне вас люблю и никогда, слышите, никогда не смогу кого-то полюбить с такой же силой и страстью, как вас.

– Я бы тоже хотела вас полюбить, барон, – прошептала Маша и посмотрела ему в глаза. – Без сомнения, я отношусь

к вам иначе, чем к кому-либо в этом доме, но утверждать, что люблю вас, пока не могу. Вы очень нравитесь мне, Алексей Федорович, и я знаю наверняка, что вы никогда меня не предадите. И если я решусь стать вашей женой, то жизнь моя пройдет спокойно и безоблачно. – Девушка ласково, но слегка печально улыбнулась. – Вы надежны и порядочны, но я хочу быть честной до конца. Я не уверена, что мои нынешние чувства так же сильны, как ваши, и боюсь не оправдать ваших надежд.

– Маша, – протянул потрясенно барон, – вы мне позволили надеяться, и это лучшее, что есть в моей жизни сейчас. Смею ли я спросить вас, как скоро вы ответите на мое предложение?

Маша закусила губу. Что же делать? Барон ждал ответа. И он, несмотря на некоторые сомнения, все-таки очень нравился ей. Она растерянно взглянула в его ставшие черными от волнения и вечерних сумерек глаза.

– Я согласна принять ваше предложение, барон, но, – она подняла вверх указательный палец и, заметив радостный блеск в его глазах, улыбнулась, – прежде вы должны переговорить с князем и княгиней, получить их разрешение, и тогда, возможно, я стану вашей женой.

– Маша, милая! – Алексей обнял ее и прижался к ее щеке губами, потом, осмелев, скользнул к ее губам, и она подчинилась ему, позволив барону целовать себя. Но почему-то этот второй в ее жизни поцелуй не произвел на нее ожида-

емого впечатления. Не оттого ли, что тот, первый, был внезапным и необычным, своеобразной проверкой их с Митей отношений, и имел потому слегка горьковатый привкус?

Поцелуй барона был мягким и нежным и не столь требовательным и дерзким, как Митин. Но почему, когда Алексей оторвался от ее губ и смущенно улыбнулся, Маше вовсе не хотелось, чтобы ее поцеловали вновь?..

– Эй, позвольте спросить, чем вы тут занимаетесь? – донеслось до них с лестницы. И Митя собственной персоной сбежал по ступенькам вниз, остановился напротив и, заложив руки за спину, окинул сначала Машу, а затем барона насмешливым взглядом.

Маша отметила, что барон недовольно поморщился, вероятно, ему не понравился Митин тон. Он поднялся со скамьи, в свою очередь заложил руки за спину и сухо сказал:

– Можешь поздравить нас, Дмитрий. Только что Мария Александровна позволила мне просить ее руки у твоего бабюшки. Надеюсь, князь и княгиня с пониманием отнесутся к моему предложению и разрешат нам обвенчаться.

– Прекрасно! – протянул Митя язвительно. – Уверен, что так оно и будет. Но скажите на милость, почему вы это делаете втайне от меня, или я не имею никакого права знать, за кого собирается замуж моя сестра?

– Я вам не сестра, Дмитрий Владимирович. – Маша вздернула подбородок и с гневом посмотрела на князя. – Сегодня днем мы уже выяснили, кем я вам на самом деле прихожусь

и какого рода участие в моей судьбе вы намерены принять! – Она подошла к барону и взяла его за руку. – Я ценю те чувства, какие испытывает ко мне Алексей Федорович, и надеюсь ответить ему тем же!

Митя скрипнул зубами, сердито топнул ногой и, не сказав ни слова, буквально взлетел по ступенькам вверх и скрылся в густых кустах сирени.

– Что это с ним? – Алексей проводил его недоуменным взглядом. – Я так и не понял, зачем он сюда приходил?

Маша пожала плечами:

– Возможно, Зинаида Львовна забеспокоилась, что мы слишком долго отсутствуем, и послала его за нами?

– Насколько я знаю, в подобных случаях используют горничную или кого-нибудь из лакеев, а не собственного сына, которого к тому же почти невозможно оторвать от его невесты.

– Алексей Федорович, я должна рассказать вам о ссоре, произошедшей у меня с Дмитрием Владимировичем сегодня днем. Дело в том... – Она торопливо, порой сбиваясь от волнения, поведала ему об их перепалке и обидных словах, высказанных Митей.

– Мне кажется, он решил попросить у меня прощения. У Мити вспыльчивый и непредсказуемый характер, но он быстро приходит в себя и сильно мучается от чувства вины за свой поступок.

– Да, я неоднократно в этом убеждался. Я знаю, что у него

доброе и отзывчивое сердце, но сегодня перед ужином мы с ним говорили о вас, и что меня удивило, он пытался заставить меня изменить свое решение.

– Выходит, он знал, что вы собираетесь сделать мне предложение?

– Конечно же, знал. Причем раньше он, видя мою нерешительность, даже подталкивал меня на этот шаг, и вдруг такой резкий поворот. Но ваша ссора, как мне кажется, лишь отчасти объясняет его поведение. – Барон поднял голову, задумчиво посмотрел на луну, повисшую над деревьями, и тихо, слегка растягивая слова, сказал: – По-моему, он просто-напросто еще не осознает, что на самом деле любит вас, а не Алину. – Он повернулся лицом к Маше и грустно усмехнулся. – Мне бы очень хотелось ошибиться, но я слишком хорошо знаю Митю, дорогая Машенька...

– Не говорите глупостей, Алексей Федорович! – Маша подошла к нему ближе, обняла за шею и быстро, едва коснувшись губами, поцеловала барона в щеку. – Мне глубоко безразлично, как он ко мне относится. – И шепотом добавила: – Пойдемте в дом. А то и вправду Зинаида Львовна отправит кого-нибудь искать нас.

4

– Маша, открой! – послышалось за окном, и девушка не поверила своим ушам. Без сомнения, это был голос Мити, но неужели ему мало дневной ссоры? И почему вдруг он надумал выяснять отношения, когда все уже спят?

Маша быстро подошла к входной двери и задвинула засов, чего прежде никогда не делала, обходясь лишь небольшим крючком.

– Отвори, Маша, – произнес Митя более настойчиво и даже ударил в дверь кулаком.

Маша перекрестилась. Что-то в Митином голосе не понравилось ей. Неужели он пьян? Этого еще не доставало! Она опять перекрестилась и плотнее запахнула на груди теплый халат. В эту ночь, несмотря на духоту, ее почему-то лихорадило, и она не находила себе места, пытаясь унять неприятный, не дающий заснуть озноб.

– Мария, – раздалось теперь уже под окном, – если не откроешь дверь, я разнесу этот чертов флигель по бревнам!

Девушка подошла к окну и распахнула его настежь:

– Что вам нужно, ваша светлость? В каком свете вы меня выставляете своими пьяными выходками?

– Так ты считаешь, что я пьян? – спросил Митя и нервно рассмеялся. – Возможно, ты права, но опьянение это несколько другого рода.

Он подошел вплотную к окну и неожиданно мягко попросил:

– Впусти меня, пожалуйста! Я не пьян, и единственное, чего я хочу сейчас, чтобы ты выслушала меня.

Маша секунду помедлила, взглядываясь в его бледное, вероятно от лунного света, лицо, и согласно кивнула головой:

– Хорошо, проходи, но ненадолго!

– Спасибо и на этом! – Митя резво скользнул в приоткрытую дверь, огляделся на пороге и прошел к единственному креслу, в котором Маша сидела до этого. И ей ничего не оставалось, как присесть на краешек до сих пор не разобранной постели.

Митя снова огляделся по сторонам и озадаченно хмыкнул:

– А у тебя тут неплохо! И почему я не догадался тоже переселиться во флигель?

– Здесь гораздо спокойнее, чем в доме, – сказала Маша тихо, наматывая длинные кисти шали на палец. – Я и прошлым летом жила во флигеле. Мне нравится, что можно никого не беспокоить, когда рано утром уезжаешь кататься верхом.

– И ты не боишься здесь одна?

– Нет, обычно со мной ночует моя горничная, но позавчера я отпустила ее на два дня в деревню. У нее сестра заболела, и матушка попросила Катю посидеть с ней, пока они на покосе работают...

– Ага, – глубокомысленно сказал Митя, встал с кресла,

подошел к окну и захлопнул створки. Заметив недоуменный взгляд Маши, пояснил: – Я не хочу, чтобы назавтра в доме говорили, что в твоём флигеле слышали мужской голос. Думаю, твоему жениху это не очень понравится.

– Зачем же ты пришел, если знаешь, что моему жениху это не понравится? – Маша посмотрела на Митю и ехидно улыбнулась. – Вероятно, и твоей невесте придется не по вкусу, что ты проводишь время с девицей, которая и ногтя ее не стоит.

– Маша, – глухо проговорил Митя и, как тогда, на берегу пруда, подошел к ней и, заложив руки за спину, посмотрел на девушку сверху вниз. – Я пришел просить прощения и выяснить твои истинные намерения в отношении Алексея.

– Ты сомневаешься в искренности моих намерений? – Маша опустила глаза и опять принялась теревить злополучную шаль. – Или боишься, что я со своей гнусной душонкой ломаю ему жизнь?

– Если хочешь, я встану перед тобой на колени, чтобы ты простила мне те гадости, что я наговорил тебе. Но поверь, все это произошло сгоряча, от неожиданности... – И не успела Маша возразить, как Митя опустился на колени и уткнулся лицом в ее ладони.

Маша почувствовала его губы, прильнувшие к ее коже, испуганно выдернула руку и оттолкнула Митину голову от себя:

– Негоже, князь, так унижаться перед девицей, которая

вам не дороже каминных щипцов или вон того кресла, откуда вы только что изволили подняться.

– Машенька, дорогая. – Митя опять забрал ее ладони в свои, но встал с колен и, не отпуская ее рук, сел рядом с ней на постели. – Ну, хочешь, я разобью сейчас свою дурную голову об это кресло, чтобы ты поняла, как мне стыдно за те слова?

– Не стоит, Митя, – тихо сказала Маша и слегка от него отодвинулась.

Митя засмеялся:

– С каких это пор ты стала меня бояться? Или рядом с бароном сидеть приятнее, чем со мной?

– Митя, прекрати! – Маша вскочила с кровати и сжала руки в кулаки. – Все ты лжешь, и не прощения ты пришел просить! Ты на грани того, чтобы вновь оскорбить меня!

– А что, я уже не вправе спросить, чем вы с Алексеем занимались на той скамейке? – вкрадчиво спросил Митя и поднялся вслед за ней. Теперь он стоял так близко, что Маша почувствовала не только запах французского одеколона, но даже его дыхание на своей щеке.

– Я отчитываюсь в своих поступках лишь перед твоими родителями, но никак не перед тобой, – сказала Маша резко и попыталась отодвинуться.

Но Митя тут же схватил ее за запястья и притянул к себе:

– Ты будешь отчитываться передо мной, пока живешь в этом доме, – произнес он вдруг охрипшим голосом, – и учти,

мне совсем не нравится, что ты целуешься с Алешкой...

– А мне как раз это нравится, – перебила его Маша и попробовала отодвинуться. – Он теперь мой жених и имеет право целовать меня.

Митя судорожно вздохнул, отпустил запястья, но тут же обхватил ее талию правой рукой, еще теснее прижал к себе, а левой приподнял ее подбородок:

– Алексей станет твоим женихом лишь завтра, и то если батюшка даст согласие на ваше обручение.

– Владимир Илларионович обещал, что отдаст меня замуж только по моей воле. И я уверена, что предложение барона он примет с удовольствием.

– С таким же удовольствием, с каким ты принимала Алешкины поцелуи?

– Это тебя совершенно не касается! – Маша попыталась вырваться из его объятий. Но Митя внезапно обхватил ее голову руками и прижался горячим от возбуждения ртом к ее губам.

Девушка уперлась в его грудь ладонями и яростно завертела головой, пытаясь освободиться от этого неожиданного и жадного захвата.

Митя оторвался от нее и спросил, задыхаясь:

– А мои поцелуи тебе нравятся? – И, почувствовав ее сопротивление, предупредил: – Пока не ответишь, я тебя не отпущу и целовать буду до тех пор, пока не признаешь, что я целуюсь несравненно лучше твоего жениха.

– Митя, как тебе не стыдно! – Маша почувствовала, что слезы текут по щекам, и она не могла их вытереть, так как Митя продолжал прижимать ее к себе. – Сегодня днем объясняешься в любви своей невесте, а ночью приходишь к жалкой воспитаннице своей матери и решаешься на такие вольности, какие никогда бы не позволил себе с Алиной!

Митя вздохнул и отстранился от нее. Потом достал из кармана носовой платок и осторожно вытер Машино лицо. Грустно улыбнувшись, он ласково провел ладонью по ее щеке и тихо сказал:

– Прости меня еще раз, девочка! Не знаю, что со мной, но я словно с ума схожу рядом с тобой! – Он опустился на кровать и обхватил голову руками. – Я люблю Алину, жду не дождусь, когда она станет моей женой, но в своей постели вижу только тебя, и стоит мне закрыть глаза... – Он махнул рукой и снова посмотрел на Машу. Страдальческая гримаса скривила его лицо. – Я постоянно хочу тебя как женщину, хочу целовать тебя, ласкать твое тело... Знаю, это невозможно, я отчаянно люблю другую девушку, но искушение настолько велико, что сегодня, когда увидел, как Алексей целует тебя, чуть не бросился на него с кулаками!

Маша потрясенно смотрела на него и с трудом нашла в себе силы, чтобы прошептать:

– Митя, как ты смеешь об этом говорить? Ты сам меня подталкивал, чтобы я заинтересовалась бароном. И теперь говоришь такие страшные и нелепые вещи, я с трудом верю,

что все это не сон!

– К сожалению, все происходит наяву, и я не могу позволить себе того, на что решался во сне... – Митя вновь обнял Машу, но теперь уже более мягко и даже нежно, и ласково спросил: – Неужели ты ничего, кроме отвращения, ко мне не испытываешь?

– Митя, ты думаешь, что говоришь? – вскрикнула Маша и с негодованием посмотрела на него. – Минуту назад ты сказал такое, что я почувствовала себя чуть ли не уличной девкой! Или ты считаешь, будто тебе все дозволено, а я из благодарности, что твои родители воспитали меня, обязана стать твоей любовницей?

– Маша, милая моя, у меня даже в мыслях не было делать тебе грязные предложения! Но пойми меня, я не знаю, что со мной творится. Невозможно любить двух женщин сразу, я это прекрасно понимаю, и знаю, что выберу Алину, а не тебя. Но почему меня не оставляет ощущение, будто я теряю что-то очень важное, без чего остальная жизнь невыносима!

– Извини, но здесь я тебе не помощница! – ответила Маша и почувствовала: еще секунда – и она заплачет, зарыдает во весь голос. Ведь она испытывала то же самое все эти дни. Именно Митя помог ей понять, что ее мучило и не давало спокойно жить с того момента, когда она увидела его рядом с князем на крыльце дома. Она любила его, и теперь в этом не было никакого сомнения!

– Я сейчас уйду и, поверь, больше никогда в жизни не за-

веду подобного разговора. И завтра заранее переговорю с отцом, чтобы он не противился предложению барона. – Он помедлил секунду и тихо сказал: – Я желаю тебе счастья, Маша, и прости за все обиды, что я тебе вольно или невольно причинил. – Он подошел к двери, взялся за ручку и, неловко улыбнувшись, попросил: – Позволь поцеловать тебя в последний раз.

И в следующее мгновение Маша ощутила его руки на своих плечах. И, убей бог, она не помнила, сама ли сделала шаг навстречу или Митя бросился к ней, когда она молча кивнула головой, соглашаясь на этот прощальный поцелуй.

Митины руки обняли ее за плечи. Он осторожно приблизил к ней свое лицо. Темно-синие глаза казались сейчас почти черными и глубокими, словно омут, в который она неумолимо, по собственной воле погружалась, забыв, что есть еще возможность спасения, стоит только оттолкнуть Митю...

Но вместо этого Маша обняла его за шею, прижалась к широкой груди и не удивилась, когда он вместо поцелуя подхватил ее на руки, отнес к кровати и положил на постель. Она попыталась подхватить падающую шаль, но Митя отбросил ее в сторону. И в следующее мгновение она почувствовала его руки на своем теле. Горячие нетерпеливые пальцы ласково погладили ее шею, ключицы и скользнули вниз. Маша застонала, выгнулась ему навстречу, не понимая, как он так быстро сумел избавиться ее и от халата, и от сорочки.

Но это не испугало ее, как и то, что она впервые в жизни лежит обнаженной с мужчиной и не испытывает ни стыда, ни сожаления оттого, что столь быстро уступила ему.

Митины губы торопливо пробежались по ее телу от шеи к груди. Он едва слышно то ли простонал, то ли сказал что-то. Маша не поняла, что именно, но переспросить не успела. Горячие сухие губы коснулись ее соска. Она почувствовала легкий укус и вскрикнула от неизвестного до сей поры чувства, захватившего ее существо и заставившего все тело покрыться мурашками.

Митя продолжал сжимать ладонями ее плечи, а губами мучить ее тело, никогда не знавшее мужской ласки, но с таким упоением и готовностью принимавшее ее.

Маша не помнила себя от восторга, только так она могла назвать ощущение необъяснимой легкости, почти парения, которое ее душа испытывала с той самой минуты, когда она почувствовала Митино тело на себе. Ее руки гладили обнаженную мужскую спину, и она удивлялась твердости его мышц и гладкости кожи. Она слегка покусывала его то в шею, то в плечо, слегка солоноватые от пота, отчего Митя еще сильнее вжимал ее в постель, а его крепкое большое тело вдруг стало таким горячим и влажным.

Маша запуталась пальцами в густых завитках его волос, спадающих с затылка на шею. Одна его ладонь накрыла девичью грудь, высокую и упругую, и принялась нежно гладить, сжимать и слегка пощипывать ее, а вторая скользнула между

ее бедер и настойчиво попыталась раздвинуть их. Но Маша не поддалась, и Митя отступил на некоторое время, но уже в следующее мгновение его губы вернулись к ее рту. Она задохнулась от волнения, когда его язык проник между ее зубов, слегка шевельнула в ответ своим языком, и Митя, глухо вскрикнув, с силой развел ее бедра. Его колено устроилось между ними, а пальцы коснулись самого нежного участка ее тела. Маша вздрогнула, схватила его руку и с силой отбросила ее от себя.

– Ну, что ты! – прошептал Митя возбужденно. – Не бойся, я только слегка поглажу тебя.

Его ладонь опять скользнула по животу к запретному месту, Маша согнула ноги в коленях, пытаясь оттолкнуть его от себя. Но мужское колено еще настойчивее прижалось к ней, а Митя приподнялся и полностью лег на нее. Теперь уже и второе колено устроилось между ее ног, и Маша невольно развела их в стороны. И тут же почувствовала что-то необычайно твердое и горячее, уткнувшееся в основание ее живота.

«О мать божья!» – успела подумать Маша, с нечеловеческим усилием вывернулась из-под мужчины и скатилась с постели на пол. Подхватила валяющуюся на полу рубашку и торопливо натянула ее на себя.

Митя молча лежал на ее постели спиной вверх, уткнувшись темной головой в подушку.

– Немедленно уходи отсюда! – произнесла Маша в бешен-

стве. – Ты, жалкий негодяй!

– Отвернись! – сказал Митя в подушку.

Маша сердито фыркнула и отошла к окну.

Она слышала, как он возится со своей одеждой за ее спиной, чертыхаясь и что-то бормоча себе под нос. И не оглянулась даже тогда, когда открылась и закрылась входная дверь. Некоторое время она без движения продолжала смотреть в одну точку, а потом обхватила голову руками и медленно сползла на пол.

Девушка рыдала в голос, кусая губы и раскачиваясь из стороны в стороны. Не было и никогда не будет рядом с ней человека, кто сумел бы всего несколькими словами остановить этот поток слез и изгнать из ее души отчаяние, настолько сильное, что думалось: после ухода Мити уже никогда не наступит утро, и она не сможет жить дальше...

Она плакала долго, пока не подкралась усталость и не смогла ее прямо здесь, на полу. Маша заснула, уткнувшись головой в кресло, укрывшись шалью, продолжая всхлипывать во сне от непереносимой обиды, которая, казалось, никогда не забудется и не простится многие и многие годы...

Маша с тоской посмотрела на груды саквояжей, портпледов и сердито захлопнула крышку сундука. До отъезда из имения оставалось два дня, и она вместо того, чтобы в последний раз прокатиться на Ветерке, должна весь день торчать в своей комнате и следить за тем, правильно ли Катя и Анисья укладывают вещи, не забыли ли что впопыхах. На этот раз она уезжала из имения надолго, если не навсегда, поэтому не желала оставлять здесь ни единой мелочи, которая в минуты разлуки могла бы напомнить ей о прошлом, о детстве и юности, о самых счастливых днях жизни, проведенных в Полетаеве. И о самых тяжелых, переполненных отчаянием и разочарованиями...

Маша села на крышку сундука и еще раз оглядела комнату, словно пыталась навсегда запомнить ее. Если бы она могла забрать с собой в Петербург и этот старый дом, и парк, и речку Сороку, и застывшего навечно богатыря Любомысла... Но не будет им места в ее новом доме на Почтамтской улице, куда она переедет после свадьбы. Через три месяца она станет баронессой фон Кальвиц и обретет наконец долгожданные покой и счастье.

Маша перекрестилась на образа и зябко повела плечами. Всю последнюю неделю шли дожди, и в доме было прохладно и сыро. Вовсю уже топили печи, ночью все укрывались

теплыми одеялами, но она постоянно мерзла и куталась в пуховые шали, словно с отъездом Мити навсегда ушло тепло из ее души и тела.

– Маша, – на пороге появилась Зинаида Львовна, – пойдём чай пить. – Она оглядела комнату и в недоумении развела руками. – Все слуги будто испарились. Я уже заметила, стоять мне начать подготовку к отъезду, как с лакеями и горничными происходят странные вещи: они ломают себе ноги, покрываются болячками, неизвестно от кого беременеют или просто прячутся на кухне или в чулане, чтобы не попадаться мне на глаза.

Они прошли в столовую. Темные шторы были опущены. Большинство кресел и стульев затянуты чехлами. С пола убрали ковер, со стен сняли картины...

Пусто и неуютно было в столовой. Громкие голоса, взрывы хохота, веселые разговоры слегка подвыпивших гостей – все это кануло в прошлое, и уже не верилось, что всего месяц назад это место было в доме самым шумным и оживленным. Ежедневно в столовой обедали, пили чай, в невероятных количествах поглощали домашнее варенье, пирожки, пели песни, смеялись, галдели, как галки перед непогодой, более двух десятков гостей. Но сначала уехал барон, потом неожиданно Митя, и дом затаился, затих – сумрачный и печальный. По ночам он поскрипывал половицами, словно боялся оглушительной тишины, более всего невыносимой по ночам. И именно в эту пору особенно сильно ощущается,

что то беззаботное, беспечное время, когда все в старом доме дышало любовью и счастьем и было так тепло и уютно, исчезло безвозвратно и невозможно повернуть его вспять.

Поначалу природа, пожелав хоть как-то скрасить оставшиеся до отъезда дни, расщедрилась на необычайно теплое и красивое бабье лето. Но дом уже приготовился к расставанию с хозяевами и хранил угрюмое молчание. А вскоре начались дожди, и все его обитатели окончательно приуныли и притихли.

Зинаида Львовна после внезапного отъезда Мити загрустила, стала чаще жаловаться на головные боли и слабость. Владимир Илларионович все время проводил в своем кабинете или вместе с управляющим объезжал уголья, давал последние распоряжения. Маша почти не встречалась с ним, но знала: он не меньше жены переживает, что сына отозвали из отпуска и Митя не прогостил в имении положенный срок.

Фельдъегерь прибыл с депешей рано утром через две недели после отъезда барона в свое имение. Маша спозаранку отправилась на верховую прогулку и по возвращении узнала, что Митя срочно уехал и, как передала Зинаида Львовна, был искренне огорчен, что ему не удалось попрощаться с Машей. В душе она была рада этому. После известных, не слишком веселых событий они с Митей старательно избегали друг друга, а при встрече обменивались лишь вежливыми приветствиями.

Алина, посчитавшая, что Маша оскорбила ее, наотрез от-

казалась бывать в Полетаеве. И Митя вплоть до самого отъезда пропадал у Гурвичей по два-три дня, дома появлялся на несколько часов и опять исчезал, перебросившись с родителями едва ли десятком фраз.

Владимир Илларионович пытался поговорить с ним, внушить, что негоже обижать своим невниманием матушку. Митя виновато улыбался, шел на террасу пить чай с родителями, но сыновнего смирения ему хватало ненадолго. Через пятнадцать минут, не более, он принимался поглядывать на часы, отвечать невпопад, и Зинаида Львовна, вздохнув, отпускала его от себя, а потом жаловалась Маше, что Алина взяла над Митей слишком большую власть и это ни к чему хорошему не приведет.

Алексей уехал через неделю после объяснения с Машей и Владимиром Илларионовичем. Князь несказанно обрадовался его предложению, и по случаю объявления барона и Маши женихом и невестой в Полетаеве устроили большой бал, на который собралось более ста гостей.

Впервые Маша чувствовала себя в центре внимания. На этот раз Мите была уготована не главная роль. И поэтому, а возможно, и по другой причине, о которой Маша могла только догадываться, Митя был в тот вечер темнее тучи, и даже появление на балу семейства Гурвичей, и Алины в том числе, не смогло поднять его настроение. И это совсем не понравилось его невесте. Похоже, они даже поссорились, потому что обе сестры Недзельские уехали с бала задолго до

его окончания, а Митя удалился в дом и так ни разу больше не появился.

В этот вечер Маша была необычайно хороша. Прекрасное платье из нежно-голубого шелка, с пышными рукавами «фонариком», открывающими до локтей ее руки, было отделано вышивкой и кружевами. Шляпка, затейливо украшенная лентами в тон платью и искусственными цветами, почти не отличавшимися по виду от настоящих, оттеняла ее глаза, делала их ярче и выразительнее.

Алексей, посвежевший, с проступившим на лице румянцем, казался невероятно счастливым, он танцевал с ней каждый второй танец, с неохотой уступая это право кому-нибудь из гостей. И во время танца она постоянно ощущала на себе его взгляд, ласковый, любящий... Маша оглядывалась, слегка взмахивала рукой или веером, улыбалась ему и встречала ответную улыбку, немного смущенную, но чрезвычайно счастливую. И всего лишь раз она поймала взгляд Мити, но его вполне хватило, чтобы испортить ей настроение до конца вечера, и, главное, он заставил зануть ее сердце, которое только-только успокоилось после печального инцидента во флигеле...

Время уже перевалило за полночь, и бал приближался к завершению. Гости стали постепенно разъезжаться, а Маша и Алексей решили пропустить один из танцев, чтобы перевести дух. Жених подвел ее к небольшому столу, уставленному напитками. Лакей подал им два бокала с шампанским, и

они выпили его, весело болтая о чем-то. И тут Маша почувствовала чей-то тяжелый, недобрый взгляд. Она обернулась. Митя стоял в десятке шагов от столика и, скрестив руки на груди, наблюдал за ними. Увидев, что его заметили, он презрительно скривился, тряхнул головой, словно освобождаясь от невидимой паутины, и, не сказав ни слова, удалился.

Алексей взял Машу за руку и тяжело вздохнул:

– Похоже, я потерял друга, Машенька! Вероятно, ему не по душе, что я сделал вам предложение, ничем другим объяснить его поведение я не могу. И он не просто дуется. Порой мне кажется, что он ненавидит меня, хотя даже не подозреваю, в чем моя вина. Я попробовал объясниться с ним, но он и слушать меня не хочет. Если мое предположение о его влюбленности в вас верно, то почему он не предпринимает каких-либо шагов, чтобы жениться на вас, а не на Алине? Она – его невеста, он без ума от нее, тогда при чем тут вы и я?

– Алексей Федорович, прошу вас, не обращайтесь на него внимания. – Маша сердито нахмурилась. – У Мити поразительная способность портить всем настроение. Возможно, женитьба на его несравненной Алине избавит его от депрессии. А что касается его предполагаемой влюбленности в меня, поверьте, это чистейшей воды ерунда! Скорее всего, он влюблен в самого себя, и даже Алина – лишь средство показать окружающим, насколько он хорош и любим всеми, и даже такой недоступной красавицей, как мадемуазель Нед-

зельская.

– Машенька, – Алексей взял ее за руку, – я несказанно огорчен подобным поворотом событий. Никакие, даже самые тяжелые испытания не омрачали нашу дружбу, и я буду рад, если Митя одумается и поговорит со мной откровенно. И если он первым не сделает этого, я вынужден буду обратиться к нему за разъяснениями, что является причиной его недовольства мной.

– Я думаю, это лишнее, – сказала Маша тихо, помолчала секунду и добавила: – Сегодня все наши разговоры вертятся вокруг Мити, точно нам не о чем больше поговорить. Есть гораздо более интересные темы. Сегодня вы обещали рассказать мне о вашей сестре и старшем брате, и еще об имении, где живут ваши родители. Надеюсь, в будущем году мы сумеем побывать там?

Барон вздохнул и виновато посмотрел на нее:

– Маша, вы опять забыли, что следующее лето нам не удастся провести вместе. Возможно, не удастся, – тут же поправился он, – только в том случае, если меня назначат командиром нового исследовательского судна. В случае решения Морского министерства в мою пользу я уже в марте уйду в экспедицию и почти два года проведу в Охотском море, на Камчатке и вблизи берегов Сахалина...

– И вам не позволят взять меня с собой?

– Это было бы самым сильным моим желанием, но, к сожалению, «Рюрик» – военное судно, не приспособленное для

пребывания женщин на его борту. Однако все это пока мои мечты, могут и не сбыться. Насколько я знаю, в Морском министерстве есть несколько кандидатур на должность командира корабля. И это офицеры с огромным военным опытом. Каждый из них не единожды бывал в дальних экспедициях и с честью выходил из сложнейших положений. Мое слабое место – молодость, и боюсь, она-то и станет камнем преткновения при обсуждении моей кандидатуры.

– Не знаю почему, но я чувствую, что именно вас назначат командиром этого корабля, Алексей Федорович. – Маша заглянула ему в глаза и ободряюще улыбнулась. – Я буду ждать вас из экспедиции и молиться за вас и ваш успех. Несомненно, вы прекрасно справитесь с заданием.

– Спасибо, дорогая. – Барон ласково пожал ее руку и, оглянувшись по сторонам, быстро поцеловал в щеку. Помолчал секунду и вдруг сказал: – А знаете ли вы, что Митя был бесспорным кандидатом на место командира «Рюрика», чему он был несказанно рад? Но потом произошла эта встреча с Алиной на вечере у княгини Кареевой, и все изменилось. Он отказался от назначения, чем вызвал недовольство великого князя Константина Николаевича, потом проявил невиданную до сих пор настойчивость и добился, чтобы его направили в Гвардейский морской экипаж, опять же поближе к Алине... Никогда не думал, что женщина будет вить из него веревки, а смелый, преданный делу морской офицер превратится в тряпку, о которую вытирает ноги пусть и прелестная,

но крайне спесивая и надменная барышня!

– Алексей Федорович, расскажите, как вы учились в Морском корпусе, – попросила Маша, чтобы только переключить его внимание на детские воспоминания, но быстро пожалела об этом: она совершенно упустила из виду, что именно тогда зародилась дружба Алексея и Мити. И разговор опять завертелся вокруг человека, о котором она хотела бы забыть навсегда, но как-то не получалось.

Алексей с упоением принялся рассказывать о годах учебы в корпусе, и Маша каялась, что затеяла этот разговор, но остановить жениха было уже неприлично, и она смирилась с печальной необходимостью ознакомиться с летописью подвигов князя Дмитрия Гагарина.

– В свое время я был самым маленьким среди однокампанцев,³ и товарищи часто подшучивали надо мной. Особенно популярна у нас была шалость под названием «закусить и выпить». Весьма неприятный розыгрыш, особенно если тебя подвергают ему чуть ли не еженощно. Делалось это так: к кому-нибудь из спящих подкрадывался юный пакостник и давал ему оплеуху, и когда жертва открывала глаза, ей прямо в лицо выливался ковш ледяной воды. Другая шутка называлась «спустить корабликом». Для этого подходили к спящему, один из озорников брал простыню за два конца у ног, другой с головы, и спавший внезапно оказывался на полу. Естественно, я чаще всех подвергался подобным экзекуци-

³ Кадеты, совершившие первое практическое плавание.

ям, и моим злейшим врагом был граф Глазенап. Наконец мои вопли, очевидно, надоели Мите, он надрал уши Андрюше Глазенапу, и тот оставил меня в покое, зато с Митей мы стали близкими друзьями и, поверьте мне, Маша, никогда не ссорились. – Алексей пожал плечами. – До сих пор не пойму, какая муха его укусила? – Он мягко улыбнулся. – Митя научил меня не бояться высоты. И, когда мы отправлялись во время каникул в двухмесячное практическое плавание в пределах Маркизовой лужи,⁴ нас с ним всегда выбирали в марсовые.⁵ И с гордостью могу сказать, что равных нам по проворству и силам никого не было. Еще бы, за годы учебы в Морском корпусе мы полностью освоились с его поистине спартанскими нравами, ведь, что греха таить, за шалости нам с Митей доставалось сполна. Но мы никогда не кричали под розгами, а таких в корпусе называли молодцами, чугунами и стариками. Последнее звание было особенно почетным. И мы с Митей в числе «стариков» выполняли самые трудные работы: отдавали и крепили паруса, стоя на портах,⁶ привязанных к реям,⁷ брали рифы⁸... Работали мы на огромной

⁴ Взморье между Петербургом и Кронштадтом называлось Маркизовой лужей, по имени морского министра маркиза де Траверсе (1750–1831).

⁵ Матросы, работающие по расписанию на марсах – площадках на конце составной мачты парусного судна; обычно марсовыми назначались двух– или трехкампанцы – кадеты, прошедшие практическое плавание по Финскому заливу во второй или в третий раз.

⁶ Канат, покрытый смолой.

⁷ Круглый брус, к которому крепятся прямые паруса.

высоте, и было лишь несколько смельчаков, которые поднимались до конца мачты. И Митя был единственным марсовым, кто добирался до клотика⁹ и становился там на колени. – Алексей вздохнул и, улыбнувшись, покачал головой. – Однажды все марсовые лежали на реях, убирали паруса, а на ноке марсореи, то есть на самом ее конце, оказался Андрюша Глазенап. Рею спустить-то спустили, но она, вероятно, не дошла до конца и осела вниз почти на четверть. Все, конечно, испугались, а Андрюшка, у которого было самое опасное место, вдруг побледнел, не удержался и заскользил вниз. Митя успел схватить его за шиворот и держал почти на весу, пока не подоспела помощь и мы не спустили бедолагу на марс. – Барон перевел дух и смущенно посмотрел на Машу. – Наверное, вам не все понятно из моего рассказа?

– Ну что вы, – улыбнулась Маша, – я прочитала много романов о морских приключениях, так что достаточно прилично разбираюсь в ваших реях, марсах, марселях¹⁰ и даже знаю, что бом-брамсели расположены выше, чем просто брамсели.¹¹

– Поразительно, – удивленно сказал Алексей, – вот уж не думал, что найду в вашем лице не только хорошую слуша-

⁸ То есть уменьшали площадь паруса.

⁹ Наделка на конце мачты, стеньге или флагштоке в виде сильно сплюснутого сверху и снизу шара – от голл. «kloot» – шар.

¹⁰ Второй снизу прямой парус.

¹¹ Прямой парус, поднимаемый над марселем.

тельницу, но и знатока морского дела.

– Знатока – это слишком громко сказано, – улыбнулась Маша. – Хотя некоторые познания в этой области у меня имеются, в основном я их почерпнула из книг.

– И что бы вы хотели еще узнать о нашей учебе в Морском корпусе? – спросил барон. – Надеюсь, то, что я сейчас рассказал, было интересно и достаточно забавно?

– Спасибо, Алеша. – Маша неожиданно для себя назвала жениха так, как его обычно называл Митя. – Возможно, ваш сын тоже будет моряком...

– Наш сын, Машенька, – тихо поправил ее Алексей.

– Да, наш сын, – Маша смущенно улыбнулась и слегка покраснела, – и если он решит стать моряком, ему, несомненно, будет легче привыкать к жизни и учебе в Морском корпусе, потому что вы научите его не бояться трудностей, и в первую очередь высоты...

– Да, – улыбнулся барон, – наш сын обязательно станет моряком и не будет в числе тех слабонервных, которые не хотят добровольно идти на мачты, и их поднимают туда на веревках. Особенно эти трусы пугаются путенс-вант,¹² которые от мачты идут к марсу первой площадки, так что надо лезть спиной вниз и держать тело на весу. А мы с Митей порой устраивали целые представления, соревнуясь, кто быстрее преодолеет эти злосчастные путенс-ванты.

– Алеша, – Маша погрозила ему пальцем и рассмеялась, –

¹² Снасти, укрепляющие мачту с боков.

я начинаю бояться, не являетесь ли вы неисправимым хвастунишкой и так ли уж правилен мой выбор?

– Машенька, – протянул укоризненно барон, – я не сказал ни одного слова неправды. Что было, то было! Во многом благодаря Мите я стал неплохим моряком, и тем более обидно, что наша дружба дала трещину по непонятной для меня причине...

– Маша, очнись! – ворвался в ее сознание голос княгини. – Чай давно уже остыл, а ты уставилась в одну точку и точно заледенела. Что-то неприятное вспомнила?

– Да нет, – Маша пожала плечами, – хорошее. Алексей Федорович незадолго до отъезда рассказывал мне, как они с Дмитрием Владимировичем проказничали в Морском корпусе...

– Дмитрий Владимирович? – удивилась Зинаида Львовна. – С каких это пор ты стала называть Митю по имени-отчеству?

Маша постаралась перевести разговор:

– Что, почта сегодня была?

– Привезли, но совсем недавно. Видно, из-за дождя задержались. Ты от Алеши письмо ждешь?

– Нет, я недавно от него получила сразу два письма. – Маша слегка покраснела. – Пишет, что ждет не дождется, когда мы приедем в Петербург.

– А вот от Мити опять ничего нет, – вздохнула Зинаида Львовна, – кроме того письма, в котором он сообщил, что

Недзельские дали свое согласие на его брак с Алиной и вскоре, сразу же после нашего приезда, они обвенчаются. – Княгиня перекрестилась. – Только бы ничего не случилось. Да, а Алексей ничего такого про Митю не пишет?

– Нет, – покачала головой Маша, – да разве я не сказала бы вам, если бы он написал о нем.

– Конечно, конечно, – торопливо согласилась Зинаида Львовна. – Он может ничего о нем не знать, они ведь теперь в разных экипажах служат. – Она взглянула на часы и озадаченно произнесла: – Почему-то Владимир Илларионович чаю задерживается. Уж не произошло ли что?

И тут же, словно в ответ на ее вопрос, распахнулись двери столовой, и на пороге появился князь Гагаринов с какими-то бумагами, которые он прижимал к груди. Княгиня взглянула на него и ахнула от удивления. Белый как мел, Владимир Илларионович, будто немощный старец, едва передвигающий ноги, подошел к столу и медленно опустился в кресло, положив дрожащую руку поверх бумаг. Маша разглядела, что это письмо, написанное крупными корявыми буквами.

– Что такое? – спросила испуганно Зинаида Львовна и прижала руку к сердцу. – Что это за письмо?

– Матушка, – князь посмотрел на жену и вдруг заплакал, – с Митей несчастье. Антон, его камердинер, написал мне, что наш сын заключен в Петропавловскую крепость за попытку убийства племянника императора великого князя Василия...

– Господи! О чем ты говоришь? Наш Митя? Не может быть! – закричала княгиня и перекрестилась на образа. – Разве он способен на такое?

– Матушка, успокойся. – Князь всхлипнул и прижал голову жены к своей груди. – Он ранил князя Василия в плечо из пистолета и, кроме того, жестоко избил его, сломал, кажется, челюсть...

Зинаида Львовна, не дослушав, коротко вскрикнула, оттолкнула руки мужа и потеряла сознание.

До Петербурга они добирались больше двух недель. Осенняя распутица, разбитые дороги, обеды на скорую руку, а то и всухомятку, с жидким чаем, который на почтовых станциях им подавали прямо в карету, – все это было ничто по сравнению с их отчаянием и горем.

Поначалу Маша пыталась разговорами отвлечь Зинаиду Львовну и Владимира Илларионовича от тягостных дум. Но, вольно или невольно, они вспоминали какое-нибудь событие, связанное с Митей, и тихая беседа заканчивалась слезами.

Поэтому девушка прекратила всякие попытки успокоить дорогих ее сердцу людей и, прижавшись головой к стенке экипажа, старалась задремать, чтобы забыться и не вспоминать о тех горьких минутах, когда ее любимый в первый и последний раз был ласков и нежен с ней. Возможно, ей следовало уступить ему тогда во флигеле, и кто знает, как бы в этом случае повернулись события? И нет ли и ее вины в том, что произошло с Митей?

Из его последнего письма они узнали, что Митя получил назначение старшим офицером на придворную яхту «Церера». Случайно оно запоздало и пришло на следующий день после сообщения Антона. И это радостное и счастливое письмо, в котором он описывал свою службу на «Церере»,

стало последней каплей в океане горя, поглотившем Полетаево и его обитателей.

Князь в одну ночь поседел и курил одну трубку за другой... И Маша с тоской наблюдала, как он рассыпает табак, а за обедом не может справиться с ножом и вилкой, часто роняет их и вдруг, прикрыв глаза салфеткой, горько всхлипывает. Этот высокий красивый человек, которому никто не давал его пятидесяти шести лет, в мгновение ока превратился в дряхлого старика с трясущимися руками и потускневшим взором.

Зинаида Львовна выглядела не лучше. Она перестала обращать на себя внимание, а темные платья и чепец подчеркивали глубокие тени под глазами и отчетливо проступившие морщины на лбу и в уголках рта. Прекрасные карие глаза, прежде так украшавшие ее, болезненно блестели, а лихорадочный румянец еще сильнее оттенял неестественную бледность лица.

Порой Маша боялась за ее рассудок. Княгиня почти не откликалась на их с князем разговоры, но вдруг, ни с того ни с сего, начинала вспоминать, каким забавным был Митя в детстве, и Маша уже знала, что это непременно закончится истерикой, и старалась перевести разговор в другое русло.

Все эти уловки были призваны спасти князя и княгиню от упадка духа, но Маша от них уставала безмерно, так что ее попытки задремать и таким способом скоротать путь почти всегда заканчивались неудачей.

Но сейчас была та редкая минута, когда она могла спокойно закрыть глаза и подумать о том, о чем не посмела бы никому рассказать. Князь и княгиня сразу же после горячего обеда в придорожном трактире неожиданно заснули, и никто не отвлекал Машу от дорогих ее сердцу воспоминаний, среди которых был и момент первой встречи с Митей после его многолетнего отсутствия...

Порой она спохватывалась и чувствовала вину оттого, что почти не думает об Алексее, но тут же находила для этого убедительное оправдание. Ее жених не испытывал никаких трудностей, и ему не грозила пожизненная каторга на сибирских рудниках. Поэтому она на время просто обязана забыть об устройстве собственной судьбы, она должна помочь князю и княгине справиться с горем и, если получится, хоть как-то облегчить положение Мити.

Она опять перебрала в памяти строчки из его последнего письма, где он ни словом не обмолвился о ней и даже привет забыл передать. Ну что ж, счастливый человек – эгоист по своей сути, ему наплевать на переживания других людей, настолько он упоен собственной любовью и предметом своего обожания и поклонения...

«Казармы экипажа находятся на Мойке, – писал Митя, – но я снял себе небольшую квартиру на Театральной площади. Она состоит из прихожей, гостиной и спальни, но нам с Антоном этого достаточно. После вашего приезда я, конечно же, переселюсь в наш дом, чтобы заняться приготовлени-

ями к свадьбе». Тут Маша обычно вздыхала. Митя не знал, когда писал это письмо, что свадьба теперь вряд ли состоится... Девушка представила Митю в тот момент, его счастливое лицо – лицо человека, не подозревающего, какие испытания ждут его в будущем, и почувствовала, как сжалось ее горло. Чтобы успокоиться, она решительно выбросила из головы строки, в которых Митя, в какой уже раз, пел дифирамбы своей невесте, и переключилась на ту часть письма, где он рассказывал о своей службе на яхте:

«...Надеюсь, батюшка, вы помните красавицу „Цереру“, входившую в состав придворной эскадры, на которой я теперь служу старшим офицером. Помимо „Цереры“, в эскадру входят „Золотой Фрегат“ с его знаменитыми золотыми украшениями и арматурой и яхты „Паллада“, „Нева“ и „Голландский ботик“, который постоянно стоит у пристани перед дворцом...

Сейчас Государь живет на Каменном острове, поэтому мы стоим на Малой Неве против дворца, но уже успели побывать в Петергофе и Ораниенбауме...

Конечно, самое приятное время мы проводим на Каменном острове. Вечером на фрегате всегда играет музыка при заре, следом спускают флаг и брам-реи, затем барабаны бьют на молитву, а после нее исполняют дробь – и конец церемонии. До вечерней зари бывает обычно много посетителей, дам и их кавалеров. Мы занимаем их разговорами, водим по яхтам и фрегату, разъясняем значение разных морских пред-

метов. Государя видим почти ежедневно. Перед дворцом до самого берега идут цветники и растут кусты уже отцветшей сирени. Иногда Его Величество появляется в цветнике один, иногда с императрицей. Конечно, мы наблюдаем за ними из кают– компании, потому что находиться в это время на палубе не совсем прилично, но вахтенный офицер всегда на своем месте.

Позади дворца есть большой тенистый сад, по которому Государь любит прогуливаться. На днях я проходил садом и в одной из аллей увидел Государя. Я остановился, повернул шляпу по форме, потому что обыкновенно ношу ее с поля, и приложил к ней руку. Государь посмотрел на меня, улыбнулся и спросил: «Гагаринов?» – «Точно так, Ваше Величество!» – ответил я и поклонился. «Молодец!» – Государь снова улыбнулся и прошел мимо.

Я был в полном восторге! Государя очень любят в гвардии, и каждый, к кому он обращается с каким-нибудь милостивым словом, счастлив безмерно...»

И так все письмо. Веселое, радостное, переполненное счастьем и ожиданием удачи... Ничто в нем не предвещало трагедии, случившейся через неделю.

Митя с восторгом рассказывал о батальонных учениях в манеже, о своих товарищах, славных молодых людях, между которыми почти никогда не случается ссор или каких-либо неприятностей, что бывало на прежнем месте службы. Митю несказанно радовали и караулы по городу, разводы перед

Государем, а также показательные учения экипажа на дворцовой площади. Государь был особо доволен ими и наградил многих матросов и офицеров.

Это была его жизнь – жизнь молодого здорового человека, который уверен в своем будущем, как никто другой, и, кажется, судьба его балует, наградив умом, красотой и любовью одной из самых прекрасных женщин Петербурга... Маша вздохнула. Что же заставило Митю переступить через все это и поднять руку на такого же молодого человека, но в котором течет царская кровь, а значит, преступление носит уже политический характер. Митя зачислен в разряд государственных преступников, и хорошо, если дело закончится каторгой...

Нет, она не должна думать об этом. Маша встряхнула головой и словно воочию увидела те места, о которых Митя рассказывал в своем письме.

Она знала их и по-особенному любила, потому что среди этих садов и цветников проходило ее детство до самого поступления в Смольный институт. Но более всего она любила Царское Село, куда Владимир Илларионович, будучи обер-шталмейстером, переезжал со всем семейством вслед за двором.

По обычаю они занимали один из китайских домиков, расположенных в прекрасном царскосельском саду среди благоухающих цветников.

На это время нравы общества становились проще и бес-

церемоннее, отчего загородная жизнь делалась еще приятнее. Обедали обычно на террасе, по вечерам много гуляли, устраивали веселые представления и маскарады. Часто посещали царскую ферму и сыроварню. Ходили слушать пение соловьев, и один раз Маша видела, с каким восторгом и слезами умиления слушала соловья сама императрица.

При китайском домике был садик, в нем князь часто работал лопатой или заступом, а они с княгиней ухаживали за цветами...

По вечерам княгиня пела с кем-нибудь из гостей дуэтом, а если приезжал кто из певцов, пели трио. Маша улыбнулась, вспомнив вдруг генерала Бороздина, который в одно лето часто посещал дом князя и охотно пел военные песни, отбивая такт огромной ногой, затянутой в сапог с блестящей шпорой. У Маши остались в памяти слова и мелодия одной из них. Лет в десять она очень любила наряжаться в чей-либо мундир, подрисовывала сажей усы и маршировала перед веселящимися от души гостями, громко распевая тоненьким голоском:

Мы пойдем, пойдем грозою,
Опрокинем вражий стан.
Не родился тот на свете,
Кто бы русских побеждал!

После Альп, Бородина и Парижа, победоносного Наваринского сражения и других успешных морских и сухопут-

ных баталий долго еще оставалась эйфория от славных побед над французом и турком. И многие верноподданные Его Величества были тогда уверены, что русскому царю все народы подвластны, только вот один англичанин пока еще не покорился...

Так день за днем, вспоминая прошлое и горюя о нем, очень медленно, со многими остановками и порой непредвиденными задержками двигались они в сторону Петербурга и добрались до столицы только в первых числах октября.

Сразу же по приезде отправили сообщение барону и вызвали Антона, который почти все свое время проводил вблизи Петропавловской крепости, пытаясь разузнать что-нибудь новенькое о молодом барине. Домой он приходил лишь ночевать, но на этот раз промок под проливным дождем и вынужден был намного раньше вернуться в квартиру на Театральной площади, где его и застал посланец князя.

Первым в княжеский дом на Фонтанке приехал Антон в графском экипаже и в сопровождении лакея, посланного за ним. Он не успел не только обсушиться, но даже переодеться, и зуб на зуб не попадал от холода. Князь велел дать ему водки, горячий ужин и сухое платье, так что только через час он появился на пороге кабинета и начал свой рассказ о происшествии, случившемся почти месяц назад, в начале сентября, в одной из аллей парка на Каменном острове.

К сожалению, Антон ничего толком не знал и мог только догадываться, что драка и злополучный выстрел в сгустив-

шихся ранних сумерках не были беспричинными: что-то до такой степени помутило разум Мити, что он, не раздумывая, поднял руку на отпрыска царской фамилии и обошелся с ним весьма жестоко.

Антон клялся, что в тот день барин стоял вахту вместо заболевшего офицера и потому был трезв как стеклышко. Не узнать князя Василия он тоже не мог: тот в свое время учился в Морском корпусе, и однажды они вместе ходили в учебное плавание.

Антон замялся, опустил глаза и скороговоркой сообщил то, что ему удалось разузнать от знакомых ему лакеев, чьи господа проживали в том же доме, где и они с Дмитрием Владимировичем. В свете, оказывается, поговаривали, будто в последнее время великий князь весьма нелицеприятно высказывался и в Английском клубе, и на приятельских вечеринках о Дмитрие Гагаринове. И некоторые связывали это с Алиной Недзельской, обратившей свой прекрасный взор на Митю, а не на худого и невзрачного князя Василия, который к тому же никогда бы не женился на ней из-за своего происхождения и положения...

– Ты видел князя после того, как *это* случилось? – спросил Владимир Илларионович. – Рассказывай, только ничего не скрывай и постарайся вспомнить все до мельчайших подробностей.

Антон, рослый, широкоплечий парень лет тридцати, с русыми волосами и карими, почти черными глазами, намор-

щил крупный нос и глубокомысленно уставился в потолок, потом перевел взгляд на барина и твердо сказал:

– А что вспоминать, ваша светлость, я вам в письме все от сих до сих отписал.

– Надеюсь, тебе не составит труда вновь все это повторить, – сухо сказал князь и недовольно сдвинул брови. – Будь так добр, братец, расскажи без утайки, что случилось после того, когда барин вернулся со службы.

Антон пожал плечами и начал свой рассказ о событии, перевернувшем жизнь не только самого Мити, но и всей княжеской семьи:

– Барин в тот вечер вернулся неожиданно поздно, часа в два ночи. Форменный сюртук, сапоги, панталоны – все у него было в грязи, хотя дождя уже не было с неделю. Но я особенно испугался, когда заметил, что руки и лицо у него в крови, а на сюртуке так вообще было пятно с тарелку для супа. И когда он снял сюртук, я заметил, что он без нижней рубашки. И он был настолько сердит, можно сказать, в бешенстве, что, когда я спросил его, не напали ли на него разбойники какие, он запустил в меня стулом и чуть не прибил. Потом барин принял ванну, переделся и потребовал вина. Много вина! – Антон быстро и виновато взглянул на княгиню. – Он и слушать меня не стал, когда я пытался остановить его, напоминал, что завтра он участвует в разводе при Государе. Все напрасно! – Антон тяжело вздохнул и развел руками. – Я попробовал его обмануть, дескать, все вино вышло, и тут

Дмитрий Владимирович сказал мне, что мои хитрости ни к чему, потому как служба его все равно закончилась и теперь ему путь на виселицу, если князь Василий не выживет, или, в лучшем случае, на каторгу. «Готовь мне вещи, голубчик! – так он мне сказал. – Положи две пары белья, табаку, трубку и еще кое-что из мелочи. Вероятно, за мной вот-вот придут». Но пришли только утром. Вернее, приехали. Жандарм из главного штаба отвез барина на дворцовую гауптвахту, а потом, как мне удалось узнать, его препроводили в Петропавловскую крепость... – Антон вздохнул и перекрестился. – Не знаю, стоит ли об этом говорить, но их сиятельство сильно набрались в ту ночь, и, когда жандарм приехал, оне уже на ногах не стояли. – Он опять помялся и тихо сказал: – Конечно, я не совсем уверен, но барин спьяну все про барышню свою твердил, про госпожу Недзельскую. Сдается мне, он к ней на свидание ходил...

– Почему ты про это в письме не написал?

– Побоялся, к тому же барин, говорят, отказывается, что встречался с барышней в тот вечер.

– Что ж, старшие Недзельские при дворе жили это лето? – быстро спросила Зинаида Львовна, до сих пор сидевшая молча.

– Так, видно. – Антон пожал плечами. – Барин как-то обмолвился, что его служба вдвойне приятна тем, что позволяет ему ежедневно видеться с невестой. Ежели б она была в городе, это вряд ли бы у него получалось, так как он на

своей яхте почти безотлучно находился и ночевал зачастую в своей каюте. Я там не бывал, в основном был при доме. А на яхте у него вестовой из матросов, Гришкой кличут. Его к следователю водили, и что он ему рассказывал, мне неведомо. До яхты меня не пускают, так что поговорить с Гришкой не было никакой возможности. Да господин барон лучше меня знает, что к чему. Вот он придет, все вам и расскажет, – спохватился облегченно Антон. – Он даже в крепости побывал и добился, чтобы барину позволили за свой счет питаться. Ему теперь даже фрукты носят, и хлеб белый, и масло... – Он хотел что-то добавить, но посмотрел на княгиню и ничего не сказал.

Алексей приехал поздно вечером прямо со службы. Глаза его заблестели при виде Маши, но они не успели перемолвиться даже словом: князь тут же пригласил всех в кабинет.

При ярком свете ламп Маша разглядела, что ее жених сильно изменился. Глаза у него опять ввалились, он осунулся. Все время разговора он держал перед собой двумя руками бокал с вином, но так и не сделал ни единого глотка.

О происшествии с Митей он знал, несомненно, больше, но у Маши сложилось впечатление, что он, как и Антон, о чем-то недоговаривает. Он подтвердил, что Мите предъявлено обвинение в государственном преступлении, его делом занимается Особая Следственная комиссия. Митю через день вызывают на допросы. Он своей вины не отрицает, но причиной нападения на великого князя называет только личную

неприязнь. А из-за чего она возникла и почему он в момент стычки был в такой ярости, не объясняет. Барон вздохнул и наконец сделал глоток из бокала:

– Насколько я знаю Митю, причина должна быть очень серьезной. И я склонен подозревать, что это каким-то образом связано с Алиной Недзельской. Сам Дмитрий это полностью отрицает, даже то, что в тот вечер он должен был встретиться с ней в одной из беседок. – Алексей обвел взглядом притихших Гагариновых и Машу. – Но я разговаривал с его вестовым Григорием, непревзойденным, уж поверьте, канальей, и он поведал мне, что барин дал ему красненькую¹³ и велел купить самых лучших роз в цветочной лавке. Потом этот букет нашли на полу беседки, возле которой и произошел сей инцидент.

– А что же Алина? – тихо спросила княгиня. – Неужели она тоже ничего не подтверждает?

– Вокруг Алины, Зинаида Львовна, возведена стена из ее родителей и многочисленных родственников. Недзельские никуда сейчас не выезжают, а нежелание дочери встречаться с кем-либо объясняют ее якобы сильной болезнью. Следовательно приезжал к ним домой, но ее отец поднял шум, говорят, дошел до самого Перовского,¹⁴ и Алину оставили в покое. Но чуется мое сердце, – глаза барона гневно сверкнули, он отодвинул бокал в сторону и сцепил пальцы, – что невеста вашего

¹³ Ассигнация в десять рублей.

¹⁴ Перовский Л. А. – министр внутренних дел России с 1841 г. по 1852 г.

сына имеет прямое отношение к этой трагедии. Князь Василий, думаю, вам это известно, изрядный волокита. Причем у него нет никаких моральных принципов, и он не переносит, если кто-то из дам отвергает его домогательства. Вы должны помнить, как была погублена репутация баронессы Линевской и что из-за него утопилась дочь генерал-майора Кондрашова. Тогда это дело удалось замять, и князь отделался лишь легким испугом. – Алексей снова взял в руки бокал и, сделав небольшой глоток, продолжил свой рассказ: – Алину начали вывозить в свет лишь в прошлом сезоне, и он тут же стал оказывать ей слишком пристальное внимание. Отец Алины, он важный чиновник в Министерстве иностранных дел, вынужден был обратиться к отцу князя Василия, великому князю Михаилу, и этот мерзавец на некоторое время притих. Потом в марте, в Севастополе, Митя познакомился с Алиной на благотворительном балу, который устроила супруга адмирала княгиня Кареева в пользу моряков-инвалидов. Алина – ее племянница и в то время гостила у княгини вместе со своей матерью и младшей сестрой. И тут началось! Князь Василий словно с цепи сорвался и особенно разъярился, когда узнал, что Алина и Митя вот-вот обвенчаются. В Английском клубе он очень грязно говорил о Мите. Мити в городе не было, но до него, определенно, дошли слухи об отвратительных высказываниях князя. Как мне удалось выяснить у лейтенанта Вяхирева, с которым Митя подружился на яхте, незадолго до происшествия он признался, что с удо-

вольствием раздавил бы некую мерзкую тварь и посмотрел бы, какая кровь из нее потечет – голубая или черная...

Алексей развел руками и виновато посмотрел на Гагариновых:

– Это все, что я знаю. Нужно признать, со мной не слишком считаются, когда я пытаюсь что-то разведать. Друг – не родственник, и потому некоторые чиновники просто-напросто отказываются со мной разговаривать. Но одно я знаю точно – князь Василий уже на ногах, рана его оказалась не слишком тяжелой, синяки сошли через неделю, так что, думаю, наказание Мите определяют не слишком серьезное.

– Какое бы то ни было, но наказание есть наказание. И более всего меня беспокоит, что он переведен в разряд государственных преступников и сидит в одиночном каземате. А это... – Владимир Илларионович осекся и посмотрел на жену, потом махнул рукой и тихо сказал: – Впрочем, зачем гадать? Завтра я все постараюсь выяснить и буду просить о свидании с сыном. В случае чего до Государя дойду, челом буду бить, чтобы следствие было проведено с особой тщательностью и наказание назначено в соответствии с истинной мерой его вины.

– Маша, – княгиня взяла девушку за руку, – ты не откажешься сопровождать меня завтра к Недзельским? Я хочу переговорить с Алиной. Неужели ее родители не поймут мои страдания и не разрешат мне повидаться с их дочерью?

– По-моему, зря ты затеваешь это, матушка, – князь с со-

чувствием посмотрел на жену, – вряд ли они помогут нам. Да я их и понимаю: если в свете станет известно, что эти события каким-то образом связаны с их дочерью, репутация семьи будет основательно подмочена, и им вряд ли удастся подыскать в скором времени достойную партию для нее.

– Господи! – Княгиня прижала пальцы к вискам и заплакала. – Митя не переживет такого удара. Ведь он так любит ее, и когда узнает, что их свадьба не состоится...

– К сожалению, Алина вряд ли решится повторить судьбу княгини Волконской.¹⁵ – Барон вздохнул и поднялся из кресла. – Прошу прощения, но я вынужден откланяться. Я должен быть на корабле. – Он слегка поклонился князю и княгине и спросил: – С вашего позволения, могу ли я поговорить с Марией Александровной, у меня есть еще четверть часа до прибытия экипажа?

– Конечно, конечно, – торопливо согласился Владимир Илларионович и перед тем, как покинуть кабинет, крепко пожал руку барону. – Огромное спасибо, Алексей Федорович, за все, что вы делаете для Мити.

Княгиня тоже подошла к барону и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала его в лоб. Потом едва заметно, одними глазами улыбнулась Маше и следом за мужем вышла из кабинета.

¹⁵ *Мария Николаевна Волконская* – жена князя Сергея Волконского, участника восстания 14 декабря 1825 года, отправившаяся вслед за мужем в сибирскую ссылку.

Алексей проводил взглядом князя и княгиню, подошел к Маше, привлек ее к себе и поцеловал в губы. Потом слегка отстранился и посмотрел ей в глаза:

– Вы сильно изменились, Мария Александровна. Уж не больны ли?

Маша покачала головой и тихо сказала:

– Нет, я здорова. Но нас утомила дорога, и то, что случилось с Митей, увы, не улучшает настроение и самочувствие.

– Простите. – Алексей подвел ее к дивану. – Давайте лучше поговорим о нашем будущем...

– Как вы смеете говорить об этом? – Маша почувствовала сильнейшее раздражение. – В нашей семье горе, и я не могу думать о собственном счастье, когда Митя находится в заточении.

Барон отчаянно покраснел:

– Еще раз простите меня. Стоило мне увидеть вас, как у меня наступило что-то вроде помутнения рассудка. Возможно, нам следует перенести венчание?

– Я очень благодарна вам, Алексей Федорович, что вы понимаете мои чувства, – прошептала Маша и расплакалась. – Как вы смотрите на то, чтобы отложить свадьбу до вашего возвращения из экспедиции?

– Вероятно, так тому и быть, Машенька, дорогая! – Барон

вновь обнял ее и прижал к своей груди. – Я очень люблю вас и буду ждать ровно столько, сколько потребуется.

Он принялся покрывать поцелуями ее мокрое от слез лицо, но Маша мягко отстранилась.

– Алексей Федорович, у нас слишком мало времени, поэтому я хочу, чтобы вы не отвлекались на меня, а рассказали сейчас то, что не посмели рассказать князю и княгине.

Барон растерянно посмотрел на нее и слегка отодвинулся. Взял ее руки в свои и тихо проговорил:

– Дайте слово, что не скажете Зинаиде Львовне о том, что сейчас услышите.

– Алексей, вы могли бы не предупреждать меня. – Маша освободила руки, прижала их к груди и испуганно спросила: – Что, положение настолько серьезно?

– Хуже не бывает! Поначалу Следственная комиссия искала комплот¹⁶ и особенно пристрастно допрашивала всех его близких товарищей. Меня дважды вызывали на допрос, и, смею вас уверить, процедура эта гнуснейшая. Боюсь, это повлияет на мое назначение командиром «Рюрика». Но я согласен отказаться от него, если б смог тем самым помочь Мите. – Он удрученно вздохнул. – На мой взгляд, Николай Павлович настолько напуган событиями 14 декабря, что в простой драке склонен видеть заговор против престола. – Он опять вздохнул и нерешительно посмотрел на Машу, словно раздумывал, говорить ли дальше.

¹⁶ *Complot* (фр.) – заговор.

– Алексей Федорович, не надо шадить меня, рассказывайте все и без утайки, а не то я рассержусь на вас! – пригрозила ему Маша и сердито нахмурилась.

– Хорошо, – задумчиво произнес барон, – вероятно, я должен вам все рассказать, иначе вы потеряете ко мне всяческое доверие, а это будет для меня невыносимо.

Он вновь пристально посмотрел на Машу, будто проверяя, насколько она готова выслушать те страшные вещи, которые ему совсем недавно довелось узнать.

– Маша, я прошу вас держаться, потому что то, о чем я сейчас буду говорить, не для женских ушей, да и не всякий мужчина способен выдержать подобное сообщение. Я не могу рассказать об этом родителям Мити, но уверен, что кто-то из семьи должен знать всю правду о том, каким тяжелейшим испытаниям подвергается сейчас Митя. – Алексей набрал полные легкие воздуха и сделал глубокий выдох, словно переступил порог, за которым мог позволить себе то, что не позволял прежде. – Мне удалось побывать в каземате, где сейчас находится Митя. Это каземат Невской куртины недалеко от Невских ворот. Четырехаршинная каморка, настолько маленькая, что, стоит развести руки в стороны, они касаются стен. В ней есть окно, но оно полностью замазано известкой и закрыто металлической решеткой, так что через него почти не проникает свет. Часовой ходит по коридору, каждые четверть часа поднимает холстину над окошком, прорубленным в дверях, и наблюдает за тем, что происходит

внутри. В самом каземате страшно сыро и холодно, с потолка и стен постоянно сочится вода, особенно сейчас, во время дождей, поэтому и одежда, и постель отсырели, и пока топится печь, Митя только слегка успевает их просушить. Стены покрыты какой-то мерзопакостной, вонючей слизью, по углам все заросло буро-зеленой плесенью. Митя сказал мне, что железную печь топят лишь по утрам, она страшно дымит, а ее труба проходит прямо над его головой. Почти все пространство занимают кровать, покрытая грубым шерстяным одеялом, и стол в углу, на нем стоит лампадка с фонарным маслом и оловянная кружка. Копоть от лампадки ужасная. Когда я вошел в каземат, то поначалу даже не узнал Митю в арестантском халате и с черным, как у арапа, лицом. На прогулки его не выводят, книг для чтения не дают, ни пера, ни чернил в каземате держать не позволяют. Заключение не разрешается разговаривать даже с самим собой, нельзя перестукиваться с соседними камерами, спать днем... За каждую подобную провинность полагается карцер. До конца следствия он не имеет права встречаться с родными и сообщаться с внешним миром... – Барон тяжело вздохнул, взял в руки ладонь Маши и слегка сжал. – Представляешь, Маша, насколько Мите с его веселым, неугомонным нравом тяжело сейчас. Отношения с миром прерваны, связи разорваны... – Алексей опять вздохнул, потер с ожесточением лоб и продолжил свой печальный рассказ: – Митя мне признался, что первые две недели чувствовал себя погребенным за-

живо. Страшно физическое изнурение. Но еще страшнее – нравственное, когда человек остается один на один с властью, совершенно беззащитный перед ее сатрапами. И эта пытка – более жестокая, более изощренная, чем телесная, потому что может оставить человека жить, но лишит его рассудка. И усугубляется она не только одиночеством, но еще и бездействием. Сторожам не позволено разговаривать с заключенными, но, как сказал Митя, они, несмотря ни на что, жалеют его и порой сообщают кое-какие новости.

– Но как вам удалось проникнуть в крепость? Ведь вы сами говорите, что это невозможно?

– Давно испытанным способом, Машенька, – Алексей печально усмехнулся, – с помощью определенного количества ассигнаций, перед которыми не устоит даже самый ретивый поборник российских законов. Степень преданности Государю, увы, зависит от суммы подношения... – Барон посмотрел на каминные часы. – У меня в запасе не больше пяти минут. Хочу сказать вам, что Митя, конечно же, выглядит неважно, похудел, оброс бородой. Кроме того, он кашляет, и я боюсь, как бы не началось кровохарканье. Кормят его отвратительно: ежедневно на обед – чечевичная похлебка, жидкая овсяная каша, кусок черного хлеба, а на завтрак – небольшая булка, два куска сахара и кружка жидкого чая... На такой пище долго не протянешь! Но мне удалось договориться с одним из гвардейцев – инвалидным солдатом, приставленным к этим казематам. Я передал ему двести рублей,

и он тайно, но исправно снабжает Митю свежими фруктами, яйцами, молоком, маслом... Вчера я опять виделся с ним и передал еще двести рублей. Он слышал, как плац-майор¹⁷ сказал Мите, что следствие по его делу закончено и со дня на день следует ожидать сентенции.¹⁸

Маша почувствовала, что ей не хватает воздуха. Она с трудом перевела дыхание и изо всех сил сжала зубы, чтобы не расплакаться. Ей понадобилось всего несколько секунд, чтобы прийти в себя после столь жуткого рассказа барона, и она хотя и дрожащим голосом, но достаточно твердо спросила:

– Выходит, все кончено и то, что Владимир Илларионович помышляет сделать для смягчения Митиной участи, уже не имеет никакого смысла? И наша завтрашняя поездка к Недзельским тоже бесполезна?

– Нет, дорогая, я думаю, что князю, возможно, удастся добиться пересмотра дела и тем самым отодвинуть объявление приговора. И если вы сумеете встретиться с Алиной и она скажет княгине правду, то мы узнаем об истинных мотивах Митиногo преступления. И я уверен, что Следственная комиссия примет их во внимание при определении наказания. – Барон опять посмотрел на часы и вскочил с дивана. – Машенька, простите меня, но я уже опаздываю. – Он торопливо обнял девушку, быстро поцеловал в холодные, словно

¹⁷ Начальник тюрьмы.

¹⁸ Приговор (юрид.).

неживые губы и тихо сказал: – Не отчаивайтесь, милая моя, почему-то мне кажется, что все закончится наилучшим образом! – Алексей быстро поклонился ей, коснулся губами руки и скрылся за дверью кабинета.

А Маша упала на колени перед иконой и принялась молиться с неистовством, которого прежде за собой не замечала. Она била земные поклоны, осеняла себя крестным знаменем и шептала сухими губами:

– Господи, спаси и сохрани Митю! Дай ему силу вытерпеть все испытания, дай ему веру и надежду! Укрепи его дух и тело! Боже, не возведи ему в вину чрезмерную гордость и самолюбие! Спаси его от каторги и бесчестия! Господи, великий и милосердный, в твоих силах не лишай его жизни и здоровья. Ниспошли на него благодать свою и избавь от мук и страданий, которые он терпит не только по своей вине. Боже милостивый и всемогущий, я так люблю Митю, и если с ним что-то случится, я не смогу дальше жить...

* * *

Дом Недзельских находился на набережной Екатерининского канала недалеко от Львиного моста. Это была типичная усадьба прошлого века: в глубине парадного двора за вычурной чугунной оградой с огромными въездными воротами виднелся дом с шестиколонным портиком и с флигелями по сторонам. Белый в сухую погоду, огромный двухэтажный

дом от многодневных дождей и пронизывающего ветра посерел и будто съежился.

Сердитый лакей помог княгине и Маше выйти из экипажа, проводил до дверей и передал визитеров угрюмому дворецкому. Тот с недоумением посмотрел на двух женщин в темных одеждах и недовольно пробурчал:

– Барин никого не принимают, кроме тех, с кем была договоренность.

Зинаида Львовна гордо вскинула голову и произнесла сквозь зубы:

– Ты уж, голубчик, постарайся доложить о нас Михаилу Казимировичу. Надеюсь, он не заставит ждать княгиню Гагаринову у порога и снизойдет до разговора с ней.

Через пять минут их пригласили в кабинет Недзельского. Действительный статский советник Михаил Казимирович Недзельский был неестественно худ и высок ростом. На негнущихся, как у цапли, ногах он прошествовал навстречу дамам и приложился сначала к ручке Елизаветы Львовны, затем – к Машиной.

Его слегка выпуклые серые глаза лучились добродушием и радостно блестели, будто он ни о чем в своей жизни не помышлял, как об этой утренней встрече. Он был в парадном камзоле высокопоставленного чиновника Министерства иностранных дел, при звездах и орденах и выглядел потому торжественно и напыщенно, словно фазан в начале брачного сезона.

Но Маша сразу поняла, что и добродушие, и радость в глазах, и даже этот камзол служат лишь прикрытием, чтобы спрятать волнение и нечто похожее на панику, которые хитрый, как лис, и изворотливый, точно змея, старый дипломат испытал при их появлении.

Проводив женщин до кресел и любезно предложив им сесть, Недзельский прошел за широкий письменный стол, покрытый зеленым сукном, но остался стоять. Опершись костяшками пальцев о столешницу, он выпрямил спину, расправил плечи и перестал улыбаться. Губы его сжались в узкую полоску и едва приоткрылись, чтобы вытолкнуть несколько слов:

– Чем могу служить, сударыни?

Зинаида Львовна встала, и по тому, как слегка прищурились ее глаза и нервно вздрогнули крылья маленького точечного носа, Маша поняла, что она в ярости.

– Михаил Казимирович, вероятно, не стоит объяснять, кто я и по какому делу приехала к вам. Наши дети должны были в скором времени обвенчаться, но известные вам трагические события...

– Прошу вас, княгиня, – не совсем учтиво перебил ее Недзельский, – не стоит продолжать. Ваш сын – прекрасный молодой человек, отличный офицер, и поверьте, вся наша семья испытывает подлинное горе и сожаление от того, что нашим общим надеждам не суждено было сбыться...

– Ваше горе ничто по сравнению с горем матери, которая

вот-вот потеряет единственного сына. И я приехала сюда с мыслью, что вы сочувственно отнесетесь к моей просьбе и окажете всяческое содействие в спасении жениха вашей дочери.

– Простите, Зинаида Львовна, но Алина не считает вашего сына своим женихом. Видите ли, он – государственный преступник, и я не склонен рисковать своей многолетней беспорочной службой во славу Государя и Отечества ради человека, посмевшего поднять руку на особу императорской крови. Поэтому прошу вас не упоминать никогда более имя вашего сына рядом с именем моей дочери.

– Но я хотела бы встретиться с вашей дочерью и от *нее* услышать, считает ли она Митю по-прежнему своим женихом. И если нет, пусть объяснит, почему так скоро, еще до объявления приговора, поспешила отказаться от него? – с необычной для последних дней твердостью сказала княгиня и опустила в кресло. – И я не сойду с этого места, пока ваша дочь не изволит покинуть свое убежище и не объяснит мне, почему в беседке, в которой... – она помедлила секунду и решительно произнесла: – в которой встретились мой сын и великий князь, обнаружили букет роз. Я не думаю, что он предназначался мужчине. У меня есть все основания полагать, что мой сын принес его в подарок вашей дочери. И мне хотелось бы знать, почему букет остался на полу беседки.

– Смею вас заверить, княгиня, – процедил Недзельский сквозь зубы, – Алина действительно больна...

– Тогда я дождусь, когда она выздоровеет, – не совсем любезно перебила его Зинаида Львовна и откинулась на спинку кресла. – У вас очень удобные кресла, Михаил Казимирович, – сказала она почти весело и повернулась к Маше: – Как ты считаешь, дорогая, здесь можно сносно переночевать?

– Что вы себе позволяете, княгиня? – Недзельский побелел как мел и нервно поправил седеющий «суворовский» хохолок. – Алина сейчас находится в нашем имении за две сотни верст отсюда, и я не намерен привозить ее в Петербург даже ради свидания с вами. И вам не стоит искать встречи с нею. Я определенно заявляю, что в тот вечер моя дочь никуда не отлучалась, была весь вечер с семьей и ни с кем более. Это подтвердят и мои домочадцы, и слуги, и гости, которых я, для вящей убедительности, могу перечислить поименно. Уверяю вас, ничего нового они вам не расскажут.

– Конечно, не расскажут, – произнесла княгиня и легко поднялась из кресла, – и ваша дочь действительно тяжело больна, вероятно, простудилась на террасе, когда вы распивали там чай с гостями и родственниками. И о том, что она была невестой моего сына, она прочно и навсегда забыла... – Она подняла руки перед собой, словно желала оттолкнуть от себя Недзельского. – И вы тоже не помните о том, как настаивали, чтобы она приняла предложение именно моего сына, и никого другого, поскольку почитали за великую честь породниться с князьями Гагариновыми... Но, как говорится, бог шельму метит и вовремя послал испытание, ко-

торое помогло нам не совершить ошибку. – Княгиня гордо вскинула голову. – Господин Недзельский, я искренне рада, что ваша дочь не успела стать моей невесткой и избежала нелегкой участи жены государственного преступника. Надеюсь, она будет счастлива с супругом, которого вы ей подберете сразу же после выздоровления, а оно, бесспорно, состоится... – Она судорожно глотнула воздух, пошатнулась, и Маша, испугавшись, что она упадет, подхватила ее под локоть, но Зинаида Львовна мягко отстранила ее руку и спокойно, с горечью сказала: – После того, как моего сына отправят на каторгу. – И уже более жестко, с явным презрением добавила: – Пусть все это останется на совести Алины. И я уверена, что не найдет она покоя до конца дней своих, как не будет у нее больше ни счастья, ни любви, ибо ложь и предательство господь не прощает!

Через четверть часа, когда они уже садились в экипаж, княгиня посмотрела на окна особняка и гневно прошептала: – Омерзительный старикашка! Истинная пся крев! – И, сплюнув, захлопнула дверцу кареты, не дожидаясь, пока это сделает лакей.

8

Прошла неделя после афронта, полученного княгиней в доме Недзельских. С тех пор Зинаида Львовна почти перестала с кем-либо общаться, все время проводила в своей спальне и прилегающей к ней гостиной, а дом постепенно заполонили непонятно откуда взявшиеся старцы и старицы, монахи и монашенки... Они шмыгали по комнатам с постными или, напротив, умильными улыбками на сморщенных физиономиях, мелко крестились и старательно прятали глаза при встрече с Машей или дворецким Василием, вызывавшим у них панический страх, вероятно, из-за своего огромного роста и широких черных бровей, сросшихся на переносице.

Маша старалась неотлучно находиться при княгине, но ее то и дело отвлекали для решения каких-то неотложных вопросов по хозяйству. Девушка оставляла Зинаиду Львовну на горничную, а по возвращении находила в ее спальне ораву давно не мытых, заросших длинным седым волосом, бородатых богомольцев, сгорбленных подслеповатых старух в засаленных одеждах и с тощими косицами, выглядывающими из-под платков, полностью закрывающих лоб и заколотых под подбородком, и странных простоволосых, растрепанных женщин с грязными ногтями и блуждающим взором.

Окна в спальне постоянно были закрыты плотными што-

рами, из освещения – лишь лампада у образов и две свечи: одна рядом с изголовьем княгини, другая на небольшом круглом столике, за которым обычно сидела Маша и читала княгине Евангелие. В отсутствие воспитанницы Зинаида Львовна заставляла странников и странниц становиться на колени, бить земные поклоны и молиться о спасении раба божьего Дмитрия. Сама же молча сидела на разобранной постели в ночном чепце, с распущенными по плечам волосами, в ночной рубашке и большой персидской шали, прикрывающей плечи. Сцепив пальцы рук, она медленно раскачивалась в такт бормотанию и быстрому речитативу молитв, которые нестройный хор усердно бубнил вплоть до появления Маши. Но стоило девушке показаться на пороге, богомольцы вскакивали с колен и, беспрестанно кланяясь, пятились спиной к дверям и исчезали за пышными бархатными шторами, чтобы восстать из небытия сразу же после того, как Машу в очередной раз вызовут по делам.

Два раза княгиня ездила в храм и заказывала молебны во спасение сына от тяжкой участи и раздала в оба раза милостыни не меньше чем на двести рублей... Со дня визита к Недзельским она никого не принимала и отказывала даже приятельницам, когда та или иная дама приезжала выразить ей свое сочувствие.

Все содержание дома и управление хозяйством полностью легли теперь на плечи Маши. По утрам они с управляющим обсуждали и решали наиболее важные вопросы, но в тече-

ние дня возникало великое множество мелких, и к ней шли за разъяснениями и экономка, и повар, и главный конюх, и белошвейка, и горничные... Маша подозревала, что порой к ней обращаются не по адресу. Вряд ли кто из слуг посмел бы столь часто беспокоить князя или княгиню. Многие проблемы могли решить управляющий или дворецкий, но слуги их побаивались и пользовались Машиной добротой самым немилосердным образом, отчего к вечеру она не чувствовала под собой ног от усталости.

Спать она ложилась поздно, только удостоверившись, что княгиня уже в постели, а два лакея, попеременно дежурившие у дверей, и горничная, спавшая в небольшой комнате рядом со спальней княгини, находятся на своих местах. Ночная стража была поставлена после того, как один из старцев попытался проникнуть в спальню Зинаиды Львовны с очевидным желанием чем-нибудь поживиться, но был пойман дворецким, нещадно бит кнутом на конюшне и сдан в полицейский участок. Для ночлега богомольцев отвели один из флигелей, но после учиненной в нем пьяной драки Маша велела очистить его от обитателей, однако против их дневного нашествия поделаться ничего не могла. Когда она попыталась убедить княгиню, что это проходимцы и ничего, кроме насекомых и болезней, в дом не принесут, Зинаида Львовна расплакалась и попросила не трогать их, потому как они искренне молятся за Митю. И, возможно, молитвы сирых и убогих быстрее дойдут до господина, и он спасет ее сына от

чрезмерно тяжелого наказания.

Маша вынуждена была смириться, хотя с трудом переносила затхлый воздух спальни: княгиня ни на секунду не позволяла приоткрыть окна, чтобы проветрить комнату.

Владимир Илларионович почти не виделся с женой. Каждое его появление в спальне княгини завершалось рыданиями, переходящими в истерику. И, опасаясь за рассудок Зинаиды Львовны, он перестал ее посещать, передоверив Маше сообщать ей обо всех его попытках облегчить Митину участь. Но пока они были напрасны. Следственная комиссия закончила работу по делу Дмитрия Гагарина и готовилась передать материалы в Верховный Уголовный суд.

Вечерами князь приглашал Машу к себе в кабинет, рассказывал об усилиях, предпринятых им для того, чтобы ознакомиться с документами следствия, которые были окружены величайшей тайной, но... Но все покровы были сняты с помощью увесистого кошелька: один из писарей умудрился в обстановке строжайшей секретности сделать копию с обвинительного заключения и сумел вынести его за стены дома № 16 на Фонтанке.¹⁹ Он сам назначил встречу князю в трактире «Поцелуй» на Мойке и передал ему документы за мзду в пятьсот рублей.

Из обвинительного заключения стало ясно, что дела Мити обстоят хуже некуда. Ему вменялось в вину покушение

¹⁹ Здесь с 1838 года размещалось «Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии».

на жизнь члена царской фамилии, а это было тягчайшим государственным преступлением и влекло за собой три варианта наказания: пожизненное заточение в Петропавловской крепости, двадцать пять лет каторги с вечным поселением в местах ссылки и самое страшное, о чем они предпочитали пока не думать, надеясь на милость императора, – смертная казнь через повешенье.

Владимир Илларионович понимал: вряд ли кто из старых приятелей и сослуживцев, боясь навлечь гнев Государя, осмелится ходатайствовать перед ним о смягчении приговора. К тому же придворный лейб-медик Тизенгазен, старинный друг князя, сообщил ему по секрету, что Его Императорское Величество был взбешен чуть ли не до невменяемости, когда узнал о происшествии с его племянником.

Возможно, ему до сих пор мерещились силуэты пяти виселиц на кронверке Петропавловской крепости, или призраки убиенных мятежников не давали ему покоя, являясь по ночам, но Николай был, несомненно, напуган и усмотрел в этом инциденте чуть ли не покушение на престол.

Мрак, опустившийся над Европой после Венского конгресса, словно вспышки молний, озарили революции в Испании, Франции, Португалии, Неаполе, Пьемонте. Греция боролась за свое освобождение от турок. В Италию вернулся Джузеппе Гарибальди... Все это значительно поубавило императору и смелости, и уверенности в незыблемости самодержавия, лишней раз подтвердив мысль о том, как *мелки*

и ничтожны бывают причины, заставляющие народ братья за оружие, строить баррикады и лишать венценосных особ не только трона, но порой и головы.

Поэтому аудиенция, назначенная Николаем своему бывшему обер-шталмейстеру, закончилась упреками и очевидным недовольством, которое Государь проявил в отношении князя, главное, из-за его попыток помочь сыну. Его Величество нервно ходил по кабинету и резким, слегка простуженным голосом отчитывал Владимира Илларионовича, как последнего мальчишку, ставя ему в вину очевидное желание спасти сына от виселицы.

Княгиня, занимавшая в свое время видное место при дворе, получила письмо от императрицы с отказом от личной встречи. И хотя та когда-то смело доверяла Зинаиде Львовне свои самые сокровенные тайны, сейчас наотрез отказалась встретиться с матерью государственного преступника, подтвердив лишней раз цену императорского доверия и милосердия.

После нескольких подобных неудачных попыток осталось лишь уповать на бога, ожидать суда и объявления сентенции. Владимир Илларионович надеялся, что перед процедурой объявления приговора или сразу же после нее родителям позволят увидеть сына, и заранее отправил прошение о свидании с Митей на имя обер-прокурора, но ответа до сих пор не получил.

В конце недели в два часа пополудни, сразу же после воз-

вращения Гагариновых и Маши с воскресной службы, приехал Алексей. Маша была в это время с княгиней и узнала о его приезде от горничной. Служанка поспешила сообщить ей, что господин барон, кажется, сердит и чем-то взволнован, потому как сразу прошел в кабинет его светлости...

Через полчаса лакей передал Маше, что барин ждет ее в своем кабинете.

Она быстро, почти бегом преодолела длинный коридор, отделяющий спальню Зинаиды Львовны от кабинета князя, распахнула двери и увидела Алексея, стоящего у окна к ней спиной. Владимир Илларионович, сгорбившись в кресле у камина, пытался раскурить свою трубку.

Барон обернулся на звук раскрывшейся двери и, радостно улыбнувшись, пересек кабинет, взял Машу за руку и подвел ее к креслу рядом с князем. Владимир Илларионович стряхнул с колен рассыпавшийся табак, положил так и не раскуренную трубку в карман домашней бархатной куртки, развел руками и виновато проговорил:

– Дожил! Совсем руки перестали слушаться! Трубку не могу заправить табаком без помощи лакея!

– Не волнуйтесь, Владимир Илларионович, – мягко сказал Алексей, положил ему руку на плечо и слегка сжал, – мы найдем еще один способ спасти Митю.

– Нет, – решительно ответил князь, отстранил его руку и встал с кресла. – Я вам не позволю больше рисковать своим служебным положением и карьерой. Если в тайной полиции

узнают о вашем неблагоприятном поступке, то вам крепко не поздоровится. Уйдите на некоторое время в тень, занимайтесь «Рюриком», а к Рождеству сыграем вашу свадьбу с Машей...

Маша поднялась из кресла, обняла князя за шею и прижалась щекой к его груди:

– Владимир Илларионович, но мы с Алексеем Федоровичем решили отложить наше обручение и венчаться будем, вернее всего, после завершения его экспедиции на Дальний Восток, если, конечно, он получит назначение на «Рюрик».

– Я его получил два дня назад, – Алексей улыбнулся и пожал плечами, – но не счел нужным сообщать об этом радостном для меня событии, поскольку оно омрачено горем, которое все мы сейчас испытываем.

– Алеша, мы искренне рады за вас, – сказал князь и, слегка отстранив Машу от себя, посмотрел ей в глаза. – На мой взгляд, ваше желание отложить венчание несколько опрометчиво, и не стоит отказываться от счастья в угоду двум старикам...

– Не смейте так говорить! – вскрикнула Маша и заплакала, еще крепче обняв Владимира Илларионовича за шею. – Я вас никогда не оставлю, чего бы это мне ни стоило!

– Ну-ну, девочка, – ласково сказал князь и поцеловал ее в лоб, – перестань реветь и послушай этого молодого негодника, который вполне мог бы угодить вслед за Митей в Петропавловку.

– Что случилось? – Маша отстранилась от Владимира Илларионовича и с тревогой посмотрела на барона. – Что вы такое сделали, Алексей Федорович?

– Твой распрекрасный жених, Машенька, затеял подготовить побег нашего Мити. И заметь, в несколько дней успел сговориться с английским шкипером и Митиным тюремщиком, который согласился вывести Митю из крепости незадолго до полуночи...

– И что же? – Маша прижала руки к груди и со страхом посмотрела сначала на жениха, потом на Владимира Илларионовича. – Кто-то разоблачил вас?

– Вовсе нет, – Алексей печально вздохнул, – просто Митя наотрез отказался бежать. Он, видите ли, уверен, что в тайной полиции непременно дознаются о моей роли в подготовке побега, и он не желает рисковать моей судьбой. – Алексей разочарованно махнул рукой. – А ведь все складывалось так удачно! – Он опять отошел к окну и, присев на широкий подоконник, принялся рассказывать о плане побега, который ему предложил один из унтер-офицеров, тюремщиков Мити.

Это был как раз тот солдат, что помог Алексею в свое время пробраться в каземат к Мите. Каким-то образом он разузнал адрес его городской квартиры и караулил его два дня подряд, чтобы сообщить о своем желании спасти Дмитрия Владимировича от наказания. По его словам, тюремщики жалели Митю и в последнее время, когда того перестали

ли вызывать на допрос, стали ночью выводить его на прогулку во двор около куртины или в сени, если шел дождь. А когда вечером куртину запирали и часовые могли не бояться обхода крепостных офицеров, Мите позволяли встречаться и разговаривать с заключенным Спешневичем, поляком, опубликовавшим в одном из английских журналов пять или шесть стихотворений, в них он назвал российского императора великим палачом. Стихи были напечатаны под псевдонимом, но тайной полиции не составило труда докопаться до истины и узнать, кто скрывается под подписью «Неистовый Лях». Суд был скор и без колебания вынес соответствующий приговор.

Сентенцию Спешневичу прочитали две недели назад, и теперь он, в ожидании отправки в Сибирь, получил некоторые послабления: ему позволили несколько раз встретиться с родными в комендантском доме, правда, в присутствии плац- адъютанта, а также получить от них новое платье, белье, книги. А в день рождения поляка его сторож принес им в каземат бутылку шампанского, и впервые за все время пребывания в крепости Митя хохотал от души над веселыми рассказами Спешневича о своем бывшем соседе, старике еврее, и его любвеобильной молодой жене.

С помощью того же сторожа Янек Спешневич брал по абонементу во французском книжном магазине книги Вальтера Скотта, Фенимора Купера и других известных писателей и делился ими с Митей, которому в подобном удовольствии

было отказано.

Все эти события несколько улучшили настроение Мити, и он перестал думать о своем будущем с мрачной безысходностью смертника, ибо понял, что ему отчаянно хочется жить!

Однажды вечером к нему зашел дежурный унтер-офицер. Его и гвардейца-инвалида Митя выделял особо из своих тюремщиков за сострадание и услужливость. Спросив Митю, не надо ли ему чего, и получив ответ, что тот ни в чем не нуждается, унтер-офицер не ушел, а продолжал переминыться с ноги на ногу, словно хотел что-то сказать, но никак не мог решиться.

– Жаль мне вас, барин, от всего сердца, – сказал он наконец, предварительно проверив, не подслушивают ли его из коридора, – и очень хотелось бы вам помочь, чем могу, конечно, а могу я многое, смею вас заверить. Ежели пожелаете вырваться из этих стен и уплыть на корабле в Англию, я помогу вам с величайшим удовольствием.

– И каким же образом, любезный? – спросил его Митя с явным недоверием.

– А вот как, – отвечал унтер, – разумеется, для этого нужны деньги. Поначалу тысяч пять-шесть, думаю, довольно будет, потом родные пришлют еще. Да и мне самому придется с вами отправиться. Вы ведь понимаете, мне здесь уже нельзя будет оставаться. Да вы не бойтесь, мы с вашим другом, – он склонился к Митиному уху и едва слышно прошептал, – бароном Кальвицем обо всем договорились. Слушай-

те, как мы все устроим... – Он опять выглянул в коридор, постоял некоторое время, прислушиваясь, не прозвучат ли вдруг шаги крепостного офицера, и опять подошел к Мите. Присел перед его кроватью на корточки и принялся громким шепотом излагать план побега, придуманный им вместе с бароном. – Ваш друг уже договорился с капитаном одного английского купеческого судна, которому придется заплатить приличную сумму. Корабль придет послезавтра ночью, когда на Неве разберут мосты. Вечером, по обходе плац-адъютанта, я пойду с вами погулять, выведу за крепость и спрячу на час-другой в дровах.

– О чем ты говоришь, братец? – удивился Митя. – Вы с бароном определенно сошли с ума. Как мы с тобой выйдем из крепости, когда при каждом воротах караул?

– А давайте попробуем проделать это завтра, и вы поймете, что я вас не обманываю. – Унтер-офицер самодовольно улыбнулся. – На самом деле это не так сложно, если сделать с умом...

– Ну, хорошо, – перебил его Митя, – вывел ты меня за ворота, спрятал в дровах, а дальше что? Меня же вскоре хватятся!

– А дальше, – опять усмехнулся солдат, – я вернусь в куртину, осмотрю и запру все казематы, а ключи отнесу плац-майору. На вашей кровати вместо вас мы положим под одеяло куклу из вашей одежды, чтобы часовому, если ему вздумается заглянуть в окошечко, показалось бы, что это вы ле-

жите и крепко спите. Когда стемнеет, с судна нам спустят ялик.²⁰ Единственное неудобство – нам придется проплыть до него несколько сажений, а вода уже ледяная... Через четверть часа мы будем на судне, и капитан надежно спрячет нас до прохождения Кронштадтской брандвахты.²¹ Эту брандвахту корабли обычно проходят перед рассветом, а днем мы уже будем далеко, и вы станете совершенно свободным человеком. – Унтер-офицер перевел дух и продолжал: – В каземате вас не хватятся до девяти часов следующего дня, то есть до обхода плац-адъютанта. Но пока разберутся, куда вы подевались да с чьей помощью, дня два пройдет, и если они даже и догадаются, что мы спаслись на корабле, мы будем уже далеко и вне погони. Видите, как это легко! – сказал солдат и радостно улыбнулся. – Ваш друг готов принять все расходы на себя, чтобы не беспокоить ваших родителей раньше времени...

– Действительно, все в его предложении было дельно и хорошо придумано, – продолжал рассказ Алексей. – На следующий день, гуляя с Митей, унтер-офицер вывел его из крепости без всякого затруднения и показал, где спрячет его до прибытия корабля. Караул, стоявший при крепостных воротах, не обратил на них никакого внимания. Но, – Алексей повысил голос и стукнул кулаком по подоконнику от доса-

²⁰ Легкая корабельная шляпка.

²¹ Корабль, несущий сторожевую службу при входе (выходе) в гавань для подержания установленного режима плавания, или сторожевой пост на берегу.

ды, – ваш сын, Владимир Илларионович, *категорически* отказался бежать по причинам, о которых вы уже знаете. Унтер-офицер, конечно, огорчился. Он – хороший человек, хотя и заработать на этом деле тоже хотел, без всякого сомнения. Но те деньги, что он попросил за свою услугу – две тысячи рублей, – ничтожнейшая плата за почти смертельную угрозу, какой он подвергал свою жизнь в случае преждевременного раскрытия заговора. Вчера я должен был сообщить ему название судна и имя капитана, но он при нашей встрече передал мне решение Мити и сказал с явным сожалением: «Его светлость, кажется, не потеряли надежды на милость Государя, но я не думаю, что он проявит милосердие – не такой он человек!» – Барон развел руками. – На этом мы с ним и расстались.

Владимир Илларионович вытер слезы, выступившие на глазах во время рассказа Алексея, и перекрестился:

– На все воля твоя, господи! Видно, так тому и быть! – Он обнял Машу и прошептал: – Будем ждать! Все теперь в руках Провидения!

О наказании, определенном Мите за преступление, узнали 17 ноября. Князя Гагаринова вызвали в канцелярию обер-прокурора и вручили копию приговора Верховного Уголовного суда по делу Дмитрия Гагаринова, обвиняемого в покушении на жизнь и здоровье великого князя Василия Михайловича Романова. Преступление было признано тяжчайшим, и по приговору суда князь Дмитрий Гагаринов лишился офицерского звания, орденов, дворянства и высылался в каторжные работы на рудниках на двадцать лет с последующим поселением в Сибири навечно.

Кроме приговора, Владимиру Илларионовичу вручили разрешение обер-прокурора на свидание с сыном перед отправкой того в Сибирь. Родителям позволялось передать Мите теплые вещи, белье и деньги на дорожные расходы. Гагаринов попробовал было спросить, можно ли будет воспитаннице Марии Резвановой встретиться с их сыном, но чиновник, вручивший ему документы, ответил, что свидание с осужденными допускается лишь родителям и законным супругам.

Вечером того же дня Алексей привез известие, что уже накануне утром в Комендантском доме Мите тоже прочитали сентенцию Верховного Уголовного суда, а затем посадили в арестантское закрытое судно и доставили в Кронштадт для

исполнения первой части приговора.

На флагманском корабле «Сысой Великий», куда привезли осужденного, адмирал Краунц, как рассказал барону знакомый офицер, наблюдавший за церемонией разжалования, при виде Дмитрия Гагарина повздохнул, судорожно сжал руки и, подняв глаза к небу, непривычно быстро, глотая отдельные слова, зачитал приговор. В свое время адмирал был командиром на корабле «Александр Невский», где служил Митя, и всегда считал его одним из своих лучших офицеров. Поэтому так понятно было волнение, с каким он объявил о начале экзекуции. Многие офицеры, присутствовавшие при этом, были искренне возмущены столь жестоким приговором. Гнусный характер потерпевшего был хорошо известен в обществе офицеров, и все они были уверены, что Дмитрий Гагарин пострадал незаслуженно, спровоцированный на преступление недостойным поведением князя Василия.

Но свои догадки бывшие Митины сослуживцы и друзья высказали позже в частных беседах, а после зачитания адмиралом приговора могли лишь молча и сочувственно наблюдать за тем, как над Митиной головой сломали саблю, и так ретиво, что слегка поранили ему голову. Два матроса арестантской команды стянули с него парадный сюртук с орденами и медалями и утопили в море. Затем на Митю надели матросский бушлат и, посадив в ту же арестантскую лодку, отвезли в крепость...

После этого Митя окончательно перешел в разряд «особо

опасных государственных преступников», и его перевели в одиночную камеру Секретного дома на территории Александровского равелина, где в свое время томились руководитель антибироновского заговора Волынский и неудачливая претендентка на российский престол «княжна Тараканова»... Около трехсот членов тайных обществ декабристов и более семисот рядовых участников восстания 14 декабря 1825 года прошли сквозь его застенки, и теперь все ужасы каторжно-го содержания придется испытать и Мите, вплоть до отправки его по этапу. А пока ему, как осужденному *sans façon*,²² уменьшили порцию хлеба и перестали давать чай...

На следующий день князь и княгиня отправились на свидание с сыном, а Маша с женихом остались дожидаться их возвращения в княжеском экипаже неподалеку от моста через Кронверкский пролив.

Гагариновых не было более часа, и за все это время Маша едва сказала десяток слов Алексею, пытавшемуся как-то разговорить ее и отвлечь от тягостного ожидания. Наконец он замолчал, и Маша заметила явную обиду в его глазах, но ничего не могла с собой поделать. Присутствие Алексея в карете непонятно почему раздражало ее, и она старательно отводила глаза всякий раз, когда замечала его пристальный взгляд. Вероятно, ей просто хотелось побыть наедине со своими мыслями.

С того момента, когда она узнала об унижительной проце-

²² Без чинов (*фр.*).

дуре разжалования Мити, в ней что-то надломилось, и всю ночь она не могла уснуть, беспрестанно думая о нем, представляя, как он тоже не спит, прислушиваясь к оглушительной тишине вокруг. Один на один со своим горем и отчаянием, в беспросветной темноте, без проблеска надежды...

Маша ходила из угла в угол, тискала в руках носовой платок, чувствовала, что нужно заплакать, но, как ни силилась, не могла. Сухие спазмы рвали горло, она задыхалась, распахивала окно, но холодный воздух лишь на доли секунды давал облегчение, и все повторялось вновь, с каждым разом сильнее и мучительнее, и если бы не рассвет, она бы непременно сошла с ума от безысходности, понимая, что не в ее силах помочь Мите, как бы ей этого ни хотелось.

Маша знала, что при свете дня в заботах по дому и в беспокойстве о здоровье Зинаиды Львовны ей станет немного легче. Но стоило ей остаться одной хотя бы на мгновение, отчаяние охватывало ее с новой силой.

Она надеялась, ей тоже позволят попрощаться с Митей, и, когда узнала, что милость Государя распространяется лишь на родителей осужденного, поняла: горе, которое она пережила до этого, ничто по сравнению с тем, что испытала, узнав о запрете обер-прокурора...

Алексей вышел наружу и принялся ходить взад-вперед мимо окон экипажа. Он тоже волновался, отчего его худощавое лицо еще больше осунулось и побледнело, а на лбу проступила глубокая складка. Маша сквозь стекло несколь-

ко раз заметила его беглый взгляд, брошенный в сторону кареты, но всякий раз отодвигалась от окна и отворачивалась, испытывая тайную досаду, что ее жених так благополучен, красив и, несмотря на то что искренне озабочен семейными проблемами Гагариновых, выглядит неплохо по сравнению с Митей. Да и судьба его, в отличие от судьбы друга, безоблачна и сулит ему прекрасные перспективы. Маша понимала, что нельзя злиться на молодого человека, который совсем не виноват в том, что другой молодой человек, не менее красивый и умный, по глупой случайности разрушил свою жизнь, но все-таки сердилась, не желая простить жениху его везения.

Барон видел ее состояние и понимал – с его невестой происходит что-то неладное. Маша постепенно отдалялась от него и во время редких теперь встреч держала себя не слишком приветливо, порой даже отчужденно. Она перестала улыбаться, а прекрасные голубые глаза потемнели и ввалились. И во время разговоров она точно не слушала его, отвечала невпопад и все словно прислушивалась к чему-то одному ей известному, притаившемуся где-то рядом, а возможно, и в ней самой.

До поры до времени барон не решался завести с ней откровенный разговор и пытался нынешнее состояние своей невесты объяснить свалившимся на семью Гагариновых горем. Но даже князь и княгиня вздохнули с облегчением, узнав, что император все-таки не посмел приговорить Митю

к смертной казни, Маша же еще больше погрузилась, и барон то и дело ловил на себе ее странный взгляд. Она смотрела на него, но Алексей головой мог поручиться, что в этот момент она видела нечто другое...

С Нарышкиного бастиона раздался выстрел вестовой пушки... Маша вздрогнула... Полдень уже...

И тут же она увидела две фигуры, князя и княгини, пересекающие мост. Она открыла дверцу экипажа, соскочила с подножки и, не разбирая дороги, бросилась навстречу Гагариновым. Алексей, прихрамывая на раненую ногу, едва поспевал за ней.

Зинаида Львовна увидела бегущую навстречу девушку и остановилась на середине моста:

– Машенька, дорогая, я видела Митю.

Она заплакала, и Владимир Илларионович страдальчески сморщился:

– Дорогая, ты же дала слово и Мите, и мне, что больше не будешь плакать! Наш сын жив-здоров, и не стоит его оплакивать, как покойника. И в Сибири люди живут. Говорят, там порядки свободнее и климат несравнимо здоровее, чем в Петербурге.

– Но это так далеко! – Княгиня в последний раз всхлипнула и вытерла глаза платком. – И вряд ли мы увидимся с ним когда-нибудь!

– Ну, это ты зря, голубушка! Как только узнаем, куда Митю направили, тут же его навестим.

– Ты это говоришь, чтобы успокоить меня. Знаешь ведь, что я не выдержу такую долгую дорогу.

– И все равно не стоит отчаиваться, Зинаида Львовна. – Барон ласково посмотрел на нее и улыбнулся. – Я обещаю вам, что навещу Митю обязательно, как только представится случай. И думаю, Мария Александровна не откажется сопровождать меня?

Он повернулся к Маше и заметил ее взгляд, устремленный на крепость. Девушка, сжав кулаки, с ненавистью смотрела на угрюмые каменные бастионы, на взметнувшийся к небу шпиль собора и что-то едва слышно шептала. Князь окликнул ее, но Маша словно не слышала его. И Владимир Илларионович вынужден был обнять ее за плечи и слегка встряхнуть:

– Пойдем, милая! Мите мы уже ничем не поможем! – Он повернулся к Алексею: – Ваш приятель унтер-офицер, Алеша, пообещал нас известить, когда Митю отправят по этапу. По его словам, это можно ожидать в любое время: и сегодняшней ночью, и всю последующую неделю. Слава богу, у нас приняли медвежью шубу для него и теплые одеяла. Плац-майор сказал мне, что величайшим распоряжением Мите и еще нескольким арестантам позволено ехать в кибитках, исключительно за их прежние заслуги перед Отечеством, остальные же пойдут пешком весь путь до Иркутска. А там всех, кто доберется до места, распределят по рудникам. И дай бог, чтобы Митя не попал на свинцовые рудни-

ки...

– Владимир! – вскрикнула княгиня и вновь залилась слезами.

– Молчу, молчу, голубушка!

Князь обнял жену за плечи и повел к экипажу. А барон осторожно дотронулся до Машиной руки:

– Машенька, не стоит убивать себя! Этим вы Мите не поможете!

Девушка повернула к нему лицо и с недоумением посмотрела на него, потом вдруг схватила его за плечо и несколько раз сильно встряхнула:

– Алеша, ну почему это все случилось именно с Митей? За что ему такое наказание? Я сердцем чувствую, что он не виноват, но отчего он посчитал нужным не говорить о причинах своего нападения на князя Василия?

– Милая моя, – Алексей снял перчатку и, коснувшись кончиками пальцев ее щеки, смахнул с нее одинокую слезинку, – не мучайте себя этими вопросами. Каждый из нас задает их себе ежедневно и не находит ответа. Его знает один Митя, и если он даже родителям не объяснил мотивы своего поступка, значит, это не только его тайна. И я склонен, как и вы, подозревать одного-единственного человека, ради которого он готов пожертвовать даже своей жизнью.

– Я найду эту дрянь и заставлю ее сказать всю правду. – Маша стиснула зубы, а глаза ее полыхнули вдруг такой яростью, что барон на секунду усомнился – его ли невеста перед

ним? Стеснительная, порой даже робкая девушка на его глазах превращалась в тигрицу, и он вдруг понял, что окончательно потерял ее. Почувствовал сердцем, что Маша больше не принадлежит ему. У нее появилась цель, пока не совсем ясная даже для нее самой, но, бесспорно, связанная с Митей...

Алексей не сказал ей больше ни слова, он был уверен, что слова теперь бесполезны. Просто взял Машу под руку и осторожно повел ее к карете. Девушка шла как слепая и несколько раз чуть не упала, споткнувшись о булыжники. Рука ее слегка подрагивала. Маша так и не посмотрела в его сторону, а Алексей шел рядом и с трудом сдерживался, чтобы не рыдаться, как мальчишка. Все его мечты о счастье и любви с этой замечательной девушкой рухнули навсегда. С какой великой радостью он пожертвовал бы сейчас и состоянием, и даже назначением на «Рюрик», лишь бы вернуть тот лучший день в своей жизни, когда Маша согласилась стать его женой. Но барон был здравомыслящим человеком и знал, что опоздал и все попытки удержать невесту возле себя уже бесполезны. Мария Резванова определила свое будущее, но места Алексею фон Кальвицу в нем уже не было!

* * *

– Митя очень огорчился, что Алине не позволили повидаться с ним. Он думает, будто она жаждет этого свидания,

и мы не посмели разуверить его. – Зинаида Львовна обвела присутствующих при разговоре Алексея и Машу печальным взглядом и слегка усмехнулась: – Мы пытались убедить его, что письмо она не написала из-за тяжелой болезни, но не надо было этого говорить, зная, какое впечатление это произведет на Митю. Кажется, его не так Сибирь пугает, как то, что он не попрощается с невестой. Ведь Митя до сих пор считает ее своей невестой, и разве мы могли осмелиться сообщить ему, что она отказалась от него...

– Вы правильно поступили, Зинаида Львовна, – сказал Алексей. – В Сибири он постепенно привыкнет к мысли, что Алина потеряна для него навсегда, и, возможно, найдет свое счастье. Я слышал, многие ссыльные женятся там, строят дома, обзаводятся хозяйством...

– Ты имеешь в виду, что они женятся на простолюдинках? – всплеснула руками княгиня. – Мой Митя женится на простой крестьянке?

– Смею вас заверить, из крестьянок получаются неплохие жены, верные, любящие и заботливые, ну а научить их грамоте и всему тому, что он сам умеет, это уж будет Митина забота...

– Но я никогда не увижу внуков, – заплакала вновь Зинаида Львовна, – по приговору, если Митя женится, все его дети станут казенными крестьянами, и у них не будет никаких прав ни на титул, ни на наследство.

– Успокойся, матушка, ради бога! – Владимир Илларио-

нович обнял жену и поцеловал ее в лоб. – Главное, что наш сын остался жив, а Государь – человек хоть и вспыльчивый, но спустя время иногда меняет свои скоропалительные решения. Возможно, в конце концов он смилостивится и снизит Мите сроки наказания.

– Дай-то бог! – Княгиня вздохнула, перекрестилась на образа и посмотрела виновато на Алексея. – Простите меня, Алеша, но я заберу от вас Машу. Я неважно себя чувствую сегодня и хочу, чтобы она сделала мне компрессы на голову.

– Ничего не имею против. – Алексей поцеловал ручки сначала княгине, затем Маше и, слегка склонив голову, обратился к князю: – С вашего позволения, Владимир Илларионович, я хотел бы обсудить некоторые вопросы, которые могли бы повлиять на улучшение Митиной жизни в Сибири. – Он посмотрел на Зинаиду Львовну и Машу. – Я уверен, есть несколько способов облегчить его участь, и, если Владимир Илларионович согласится с моим предложением, уже завтра вечером я доведу их до вашего сведения.

– Алеша, вы истинный и самый верный друг Мити, – всхлипнула княгиня и обняла барона за плечи. – Вы – единственный, кто открыто приходит в наш дом и не скрывает симпатий к государственному преступнику. Но, ради бога, будьте осторожнее и не рискуйте своим новым назначением. – Зинаида Львовна поцеловала его в лоб и быстро перекрестила. – Храни вас господь за ваши добрые дела, и пусть воздастся вам за них сторицей... – Княгиня опять поцелова-

ла Алексея и вслед за Машей, открывшей перед ней дверь, вышла из кабинета мужа...

* * *

– Маша, я совершенно здорова, – торопливо сказала ей княгиня, – но мне нужно с тобой посекретничать, поэтому пришлось немного схитрить. – Она присела на небольшую софу у стены и тяжело вздохнула. – Сегодня сразу же после возвращения из крепости я пыталась серьезно поговорить с Владимиром Илларионовичем, но он приказал мне не заниматься глупостями. Возможно, это и глупость, но выслушай меня, пожалуйста. – Зинаида Львовна взяла Машу за руку, притянула девушку к себе и шепнула: – Я придумала, как помочь Мите бежать с каторги.

– Но это невозможно! – потрясенно прошептала Маша. – Там же глухие леса, болота, горы, ужасные морозы, наконец! Он или погибнет, или его тут же схватят, но тогда наказание будет более жестоким. Но даже если Мите и удастся побег, где и как он будет дальше жить? Всю жизнь скрывать свое имя, прятаться, вздрагивать от любого шороха? Нет, по-моему, это хуже вечной каторги!

Княгиня отстранилась от нее и недовольно нахмурилась:

– То же самое мне говорил князь, но я не хочу смириться с тем, что мой единственный сын – красавец, умница, отличный офицер, перед которым открывались блестящие

перспективы, – из-за глупейшего поступка будет гнить заживо в грязной яме, общаться с отбросами общества, не будет иметь прав на нормальное семейное счастье. Нет, не для того я рожала сына в муках, чтобы отдать его судьбу на откуп жалким пьяным тюремщикам и вороватым чиновникам! – Она сжала руки в кулаки и гневно потрясла ими в сторону темного окна. – Они еще узнают, что княгиня Гагаринова никогда и никому не спускала и впредь не спустит обид и оскорблений!

– Зинаида Львовна, прошу вас, успокойтесь, – проговорила Маша тихо. – Я готова слушать вас и, поверьте, сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь Мите.

Княгиня обняла ее за плечи и привлекла к себе:

– Машенька, милая, ты мне как родная дочь, и я просто не представляю, как бы я пережила весь этот кошмар, если бы тебя не было рядом! – Она поцеловала ее и, вздохнув, сказала: – План мой на первый взгляд прост, потому, вероятно, Владимир Илларионович счел его за глупость, но, Машенька, я за свою жизнь убедилась в огромнейшей силе денег и знаю, что тугой кошелек пробивает любые крепостные стены почище гаубицы. Поэтому стоит найти человека, который за большие деньги поможет Мите бежать, и половина успеха обеспечена!

– Но как же его найти? Ведь это так далеко. – Маша с сомнением посмотрела на Зинаиду Львовну. – Потом, мы не знаем, в какое место Митю направят. А если оттуда вообще

невозможно выбраться?

– В жизни ничего невозможного нет! – улыбнулась вдруг княгиня. – Я договорилась с Митей, что, как только он доберется до места, немедленно сообщит мне, где находится. Помимо этого, я уже виделась с Антоном, он одобряет мой план и готов на все, чтобы освободить барина. Он собирается отправиться к Мите, как только станет известно его местонахождение.

– И вы думаете, ему позволят жить рядом с Митей?

– Я не сомневаюсь в этом, – сказала Гагаринова. – Еще со времен «сибирских страдальцев»²³ к осужденным стали приезжать жены, а слуг они привозили с собой или нанимали местных.

– Насколько я понимаю, вы с помощью Антона хотите найти человека, который помог бы бежать? Но это ж бесполезно! Здесь Митя мог рассчитывать попасть на иностранное судно и уплыть, допустим, в Англию, а там он куда побежит?

– Он убежит в Америку! – с торжеством в голосе провозгласила княгиня. – На Аляске служит мой дальний родственник граф Бологовский. Он возглавляет тамошнее отделение Русско-Американской компании и не откажет приютить наших беглецов.

– Но как они доберутся до Америки? Ведь это практически невозможно! Если только через Китай? – Маша лихорадочно пыталась вспомнить карту и, вспомнив, ужаснулась. –

²³ Декабристы, осужденные на каторжные работы в Сибири.

Это же тысячи верст по суше, потом океан!.. Где они возьмут корабль, чтобы переплыть через него?

– Не знаю, деточка, – пожала плечами княгиня. – Я дам Антону много денег, и, думаю, Митя догадается, как их использовать. Он бывалый офицер, поэтому стоит ему только освободиться, он тут же решит, что ему делать и как поступать дальше... Нужно будет, я куплю этот корабль и сама поплыву на нем, чтобы спасти сына...

– И в этом весь ваш план? – спросила Маша княгиню. – Или вы хотите уточнить со мной кое-какие детали?

– Нет, о деталях я еще не думала, но уже сегодня напишу письмо графу Бологовскому, чтобы он оказал моему сыну всяческую поддержку, когда Митя окажется в Америке.

– Но об этой помощи вскоре станет известно в России, и захочет ли граф рисковать своей службой и дальнейшей карьерой?

– Двадцать пять лет назад Владимир Илларионович спас графа Бологовского от каторги, добившись его направления в Америку буквально накануне выступления на Сенатской площади, иначе он был бы сейчас в тех местах, куда вскоре отправят нашего Митю. Поэтому он никогда не откажется помочь нашей семье. Письмо я переправлю через его сестру, чтобы никто не догадался о нашей переписке.

– Зинаида Львовна, – Маша с восхищением посмотрела на нее, – кажется, будто вы всю жизнь только тем и занимались, что устраивали побеги!

– Милая моя девочка, я более двадцати лет проболталась при императрице, прошла отличную школу всяческих хитросплетений и дворцовых интриг, и поэтому мне теперь ничего не стоит организовать какой-нибудь небольшой заговор, – улыбнулась Зинаида Львовна. – Ну, как тебе мой план?

– По-моему, вы все прекрасно придумали, но как все это выполнить?

– Наверно, тебе тоже стоит поговорить с Антоном, чтобы убедиться, что он настроен весьма решительно. – Княгиня обняла Машу и расцеловала ее в обе щеки. – У тебя светлая головка, девочка, и, возможно, втроем мы сумеем вызволить Митю из Сибири.

Маша проснулась от громкого топота копыт по булыжной мостовой и бойкого посвиста ямщиков. Она вскочила с постели и подбежала к окну. По улице пронеслось несколько карет в сопровождении десятка верховых казаков, а звон колокольчиков под дугами лошадей был так пронзителен и тревожен, что она, не медля ни минуты, позвала горничную, спящую в соседней комнате, и велела приготовить ей шубу, зимний капор и вызвать Антона. Зевающая, растрепанная, полусонная Катя едва передвигалась по комнате, натываясь на мебель, и Маша даже прикрикнула на нее, чтобы быстрее привести горничную в чувство.

Наконец на пороге появился Антон. С недоумением оглядел тепло одетую барышню и спросил:

– Чего изволите, Мария Александровна?

И несказанно удивился, когда Маша приказала ему бежать на улицу и найти пролетку, чтобы добраться до Петропавловской крепости.

Антон перекрестился и прошептал:

– Барышня, что вы надумали? Двенадцатый час ночи. На улице метель, холод несусветный...

– Антон, милый, поспеши. – Маша умоляюще посмотрела на него. – Сердце мне подсказывает, что сегодняшней ночью Дмитрия Владимировича отправят в Сибирь...

– Господи ж боже мой! – Антон снова перекрестился и метнулся за дверь. А Маша посмотрела на Катю:

– Иди ложись спать, и смотри, не смей никому говорить, что я среди ночи куда-то уехала. Если мы к утру не вернемся, тогда расскажешь все барыне.

– Хорошо, – прошептала девушка и вдруг обняла хозяйку и быстро поцеловала в щеку. – Дай бог вам с молодым баринном свидеться. Передайте ему от всех нас поклон и пожелание здоровья.

– Спасибо, Катенька. – Маша в ответ поцеловала девушку и быстро спустилась в вестибюль, где ее дожидался Антон.

Через полчаса они были на южном берегу Невы напротив Заячьего острова. Громада Петропавловской крепости четко проступала на фоне взошедшей над горизонтом луны. Закованные в камень могучие крепостные стены и бастионы нависли над Невой, словно продолжение береговых гранитов, а над ними вознесся вверх сверкающий в лунном свете легкий шпиль Петропавловского собора...

Маша вцепилась руками в гранитный парапет набережной, покрытый ледяной коркой. Метель прекратилась, но снежная поземка продолжала кружить над мостовой, сильный верховой ветер рвал в клочья низкие мохнатые тучи. Они то и дело напоззали на лунный диск, и тут же кромешный мрак окутывал и крепость, и Неву. И лишь шпиль собора продолжал светиться в темноте, словно стрелка компаса, не позволяющая сбиться с дороги заплутавшему путнику,

точно тонкая соломинка – последняя надежда утопающего среди океана отчаяния...

– Антон, – Маша оглянулась, и лакей тут же подошел к ней. – Я хочу попасть в крепость и попытаться увидеть твоего барина. Ты не смог бы поискать лодочника?

– Барышня, вы с ума сошли! – Антон отшатнулся от нее и замахал в ужасе руками. – Вы посмотрите, что на реке творится! «Сало» всю идет, лодку тут же затрет и потопит...

– А ты все-таки попробуйся, братец, – Маша достала кошелек и отдала его Антону, – и заплати тому, кто решится переправить меня на остров, сколько он запросит.

Антон хмыкнул и скрылся в темноте, а Маша вернулась к пролетке и отпустила извозчика.

Вскоре появился Антон в сопровождении здоровенного мужика, лохматого и бородатого, в драном кафтане и в войлочном котелке вместо шапки.

– Вот, привел, – кивнул на него Антон. – Как я и говорил, никто из лодочников не решился вас переправить. Я сто рублей предлагал, нет, отказываются, говорят, жизнь дороже. А этот вот согласился, и за полсотни всего. Глухонемой он, не слышит, как вода шумит и льдины трещат, потому, видно, и не боится...

Глухонемой замычал и жестами показал что-то.

– Антон, ты понимаешь, что ему надо?

Лакей подошел к мужику и крикнул:

– Чего тебе?

Тот замычал громче и изобразил нечто, похожее на взмахи весел, и показал рукой на реку.

Антон повернулся к Маше:

– Верно, он хочет лодку сюда привести? – И опять громко прокричал: – Иди уж, иди! – и подтолкнул лодочника в спину.

Мужик быстро закивал головой, что-то промычал снова, радостно рассмеялся, вероятно, оттого, что его поняли, и скрылся в темноте.

Ждать пришлось долго, и Антон даже высказал опасение, что мужик их надул и скрылся, прихватив с собой двадцать пять рублей задатка.

Но минут через сорок откуда-то снизу из-за парапета раздалось знакомое мычание, и, перегнувшись через гранитный валик, они увидели крохотную лодчонку, которую мужик едва удерживал у берега. Густая ледяная каша почти сплошь закрывала темную воду, а ближе к стрежню мелкие куски льда срастались в огромные льдины, для которых утлое суденышко – что орех для кузнечной кувалды.

– Ох, барышня, погубите вы себя. Тут даже днем опасно переправляться, а вы ночью вздумали, – проворчал за ее спиной Антон, но Маша не обратила на его слова никакого внимания, размышляя над тем, как же ей спуститься к лодке. Прибрежные каменные лестницы настолько обросли льдом, что превратились в настоящие катушки. Спускаться по ним невозможно...

Маша зябко поежилась, но смело подошла к парапету и с помощью Антона вскарабкалась на него. Сидеть на нем было холодно, ледяной ветер сразу же проник под юбки, и она мгновенно замерзла. К тому же она обронила где-то перчатки и почти перестала чувствовать кончики пальцев.

Тем временем лодочник перебросил Антону свернутый в кольца тяжелый и толстый канат, и лакей закрепил его за дерево, росшее поблизости, затем перекинул его через парапет и ловко, как обезьяна, спустился по канату в лодку.

– Хватайтесь, барышня, за веревку и скользите вниз, – крикнул ей Антон из лодки и раскинул руки в стороны. – Не бойтесь, я вас поймаю!

Маша перекрестилась, встала на колени, подползла к канату, ухватилась за него и, перебирая руками и упираясь коленями в парапет, стала медленно спускаться вниз. Жесткие волокна пенькового троса, покрытые кристаллами льда, впивались в ладони, рвали кожу, но она не замечала этого, с ужасом ожидая того момента, когда придется оторваться от веревки и прыгнуть в лодку. Но страшно было только отпустить руки. Она набрала полную грудь воздуха, зажмурилась, разжала пальцы и через мгновение оказалась в лодке, спланировав почти на головы своих спутников. Но, к всеобщему удивлению, лодка от резкого толчка не затонула, а лишь слегка накренилась и зачерпнула бортом воды. Мужчины ловко подхватили девушку под локти, и в следующее мгновение Маша почувствовала, что уже сидит на узенькой

лавочке, а глухонемой толкает ей в руки какую-то жестянку. Она с недоумением посмотрела на Антона, и лакей пояснил:

– Это он велит вам воду со дна вычерпывать, когда поплывем...

Следующий час показался Маше самым длинным в ее жизни. Река в этом месте – чуть меньше версты в ширину, но огромные льдины и мелкий лед не позволяли гребцам грести с должной силой. К тому же им все время приходилось лавировать между льдин, которые напозлали друг на друга со страшным грохотом и то и дело грозили раздавить крохотную лодку и трех безумцев, посмевших бросить вызов стихии. Ледяная вода сочилась сквозь многочисленные щели, а после очередного удара льдины в борт переплескивала через край, поэтому Маша трудилась не покладая рук, черпая и черпая воду и моля бога, чтобы льдины не сомкнулись и не раздавили их хлипкое суденышко. Она скорчилась на своем сиденье, по щиколотку в ледяной воде, но совсем не замечала, что и кожаные башмаки, и края юбок промокли насквозь. Главное было – доплыть до берега и добиться встречи с Митей.

Внезапно послышался громкий треск и ругань Антона. Маша подняла голову и выронила жестянку. Огромная льдина острым краем, словно бритвой, срезала лопасть весла Антона, и он с отчаянием отбросил в сторону жалкий обрубок. До берега было совсем близко. Но течение закрутило лодку на месте. Антон с помощью второго весла попытался выров-

нять ее, но тут следующая льдина ударила в корму, и лодочник, который кормовым веслом отталкивал от их суденышка наиболее опасные льдины, яростно замычал и погрозил Антону кулаком. Антон не менее яростно выругался, навалился на весло всем телом и все-таки выровнял лодку. И сразу же она заскребла днищем по камням. Глухонемой выскочил из лодки, ухватил ее за кольцо на носу и вытянул на берег.

– Ну, слава богу! – с облегчением произнес Антон и перекрестился. – Счастливая вы, Мария Александровна, не иначе! Я уж грешным делом думал, что не доберемся до берега.

От крепости к ним бежал солдат с ружьем на изготовку. Остановившись за несколько шагов от них, он выставил вперед штык и грозно спросил:

– Кто такие? Ночью здесь непозволительно шататься.

– Отведи меня к дежурному офицеру, солдатик. – Маша сделала шаг по направлению к нему, но солдат щелкнул затвором и приказал:

– Не подходи, стрелять буду!

– Ты что, служивый, сдурел? – прикрикнул на него Антон. – Не видишь, кто перед тобой? Барышня благородных кровей. Она вон через реку переплыла, промокла вся, замерзла, а ты ее на ветру держишь! Веди ее срочно к начальству! Офицер сам разберется, что к чему.

Но солдат продолжал стоять на своем:

– Не велено посторонних ночью в крепость пущать. Мне за это плетей дадут, а у меня шкура не казенная.

– Голубчик, милый мой, – Маша упала перед ним на колени, – я тебе сколько хочешь денег заплачу, но проводи меня к офицеру. В крепости у меня жених сидит, на двадцать лет каторги осужденный. Родителям позволили с ним повидаться, а мне в этом отказано, потому как я не жена ему... – Она заплакала. – Его вот-вот по этапу отправят. Я хочу офицера просить, чтобы позволил хотя бы краем глаза на него взглянуть.

– Ну что вы, барышня, не стоит вам в ногах у простого мужика валяться! – Солдат опустил ружье и приставил его к ноге, потом сконфуженно почесал в затылке. – Давайте так сделаем, я отведу вас к унтеру и скажу, что задержал вас у ворот, а там уж как он решит, доставлять вас к офицеру или нет.

– Спасибо тебе, милый!

Маша попыталась дать ему несколько ассигнаций. Но солдат отвел ее руку и строго сказал:

– Зря вы это, барышня! Мы на чужом горе не наживаемся!..

Вскоре они пришли в караульное помещение, небольшое строение недалеко от Невских ворот. Прямо на полу у маленькой железной печки спали двое солдат, еще один сидел у крошечного оконца, затянутого решеткой, и курил самокрутку. Маша задохнулась от затхлого воздуха, пронизанного тяжелыми запахами пота, махорки и дыма от коптящей печурки, и с трудом перевела дыхание.

Она молила бога, чтобы начальник караула оказался знакомым Алексея, но это был другой унтер-офицер, мрачный и нелюдимый. Тем не менее, узнав, в чем дело, он выпроводил часового за дверь, хмуро взглянул на девушку и, не проронив ни слова, сам повел Машу в офицерский корпус. Антон двинулся было за ними, но унтер остановился, смерил парня угрюмым взглядом, и тот, крякнув от досады, остался дожидаться Машу в караульном помещении.

Маша и унтер-офицер вышли наружу, и девушка протянула ему две ассигнации по двадцать пять рублей. Но он отрицательно покачал головой и оттолкнул ее руку:

– Жениху своему отдадите, ему это нужнее будет.

Неожиданно поднялся сильный ветер, опять закружил, завертел бесприютную поземку, и Маша снова замерзла. В башмаках хлюпало, чулки покрылись ледяной коркой, а смерзшиеся юбки гремели на ходу как железные. Вдобавок она совсем перестала чувствовать пальцы на руках. А унтер-офицер продолжал молча идти вперед, совершенно не замечая, что барышня уже еле-еле передвигает ноги. Он шли и шли по каким-то мосткам, пересекали широкие рвы с водой, затянутые тонкой корочкой льда, миновали длинное приземистое сооружение, потом церковь и наконец, вспугнув голубей, свивших здесь множество гнезд, вошли в офицерский корпус.

В промокшей одежде, продрогшая до костей, с окровавленными руками и трясущимися от холода губами, девушка

предстала перед изрядно напуганным дежурным офицером. По коридору, мимо спящего на нарах сменного караула, они прошли в маленькую комнату без окон. Офицер быстро захлопнул дверь и прошептал в отчаянии:

– Сударыня, вы сошли с ума и погубите не только себя, но и меня. Свидание с осужденными разрешает лишь Государь, и если плац-майор узнает, что вы тайно пробрались в крепость, он спустит семь шкур с караула, а я загремлю самое ближнее на Кавказ.

– Милый, поймите меня, мы никогда более не увидимся с моим женихом, дайте мне проститься с ним, ну будьте же милосердны! – Маша упала на колени и попыталась поцеловать руку офицера.

– Что вы, сударыня, не смейте так! – Офицер высвободил руку и попробовал поднять Машу с пола. Но она зарыдала и обняла его колени. – Сейчас же поднимитесь! – прикрикнул он сердито. – Прекратите реветь и успокойтесь. Самое большее через час вашего жениха отправят по этапу. Вы сможете встретить его на первой почтовой станции. Авось сумеете поговорить с ним подольше, пока лошадей будут менять. А сейчас, – он взглянул на карманные часы, – я приведу его сюда, в эту комнату, под предлогом, что на него, перед отправкой по этапу, следует надеть цепи. Обычно мы производим сию процедуру в каземате. Но бывшему князю Гагарину мы на этот раз сделаем исключение. Предупреждаю, в вашем распоряжении десять минут, ровно столько, сколько

потребуется для снаряжения его в железо. И никаких слез, никаких истерик! Мне не надо, чтобы после вашего визита осужденный глотал стекло или обливал себя горящим маслом.

– Господи! Зачем?

– А затем, что после подобных свиданий бедняги стремятся себя жизни лишиться, вот поэтому и запретили им с невестами видеться. Почему-то с родителями и супругами они легче расстаются, чем со своими барышнями...

Офицер ушел, а Маша присела на расшатанный казенный стул и, пытаясь согреться, обхватила себя руками.

Через некоторое время в комнату вошли уже известный ей унтер-офицер с чемоданом в руках и солдат, несший цепи. Маша с ужасом смотрела, как он раскладывает их на полу, угрюмо косясь на девушку. Унтер открыл чемодан и про бурчал:

– Это для вашего жениха. Пушай переоденется в дорогу, а потом уж железо будем надевать... – Он поднял голову и строго посмотрел на Машу. – Не ревите только, дорога барину тяжелая предстоит. Не смущайте его слезами.

Оба солдата вышли за двери. В следующее мгновение они опять распахнулись. На пороге возник офицер, показал Маше раскрытую пятерню, и она понимающе кивнула головой, да, пять минут, не более. Офицер скрылся, а вместо него переступил порог человек в сером арестантском халате, в нелепом войлочном колпаке на голове, заросший по самые гла-

за густой темной бородой. Маша медленно сползла со стула, встала на ноги, но не смогла сделать ни единого шага. Ноги едва держали ее, и она, чтобы не упасть, ухватилась за спинку стула. Человек быстро оглядел комнату и хрипловатым голосом сказал:

– Мне передали, что меня ждет невеста.

И Маша поняла, что этот худой, болезненно бледный человек с лихорадочно блестящими глазами, в убогой арестантской одежде и есть Митя, но как она посмела его не узнать?

– Митя! – истошно крикнула она, бросилась к нему, обхватила за шею и принялась покрывать поцелуями его исхудавшее лицо.

– Маша? – с легким недоумением произнес Митя, словно совсем не удивился ее появлению, слегка отстранил ее от себя и опять, поверх ее головы, обвел взглядом комнату. – Но где же Алина?

– Алина? – переспросила Маша и быстро вытерла набежавшие на глаза слезы тыльной стороной ладони. – Алины здесь нет.

– Как нет? – прошептал Митя и повторил с отчаянием: – Как это нет? Но мне сказали... – Он вдруг схватил ее за руки, притянул к себе и требовательно спросил: – Так это ты назвалась моей невестой?

– Да, – тоже прошептала Маша и виновато посмотрела на него. – Иначе меня бы не пропустили.

Митя озадаченно посмотрел на нее, и вдруг его глаза расширились от удивления:

– Постой, но как тебе удалось попасть сюда? Свидания разрешены только с ближайшими родственниками.

– Мне Антон помог. Час назад мы переправились через Неву.

Маша хотела спрятать руки за спину, но Митя заметил ее маневры, быстро схватил ее за руки и перевернул их ладонями вверх. Потом потрясенно посмотрел на девушку и покачал головой:

– Ты что же, крепостную стену форсировала?

– Нет, – Маша попыталась освободить руки, но он продолжал удерживать их, рассматривая царапины и порезы на нежных девичьих ладонях, покрытые запекшейся кровью. – Это я по веревке в ялик спускалась, а то лестницы настолько обмерзли льдом...

Митя не дал ей договорить, уткнулся в ее ладони лицом и принялся целовать их, приговаривая:

– Милая моя, Марьюшка! Сестренка!

Маша задохнулась от волнения, сумела высвободить одну руку и ласково провела ею по отросшим за два месяца заключения Митиным волосам. Он поднял голову, и Маша увидела слезы на его глазах.

– Митя, – девушка оглянулась на двери и быстро прошептала: – Мы сделаем все, чтобы вытащить тебя с каторги. Матушка твоя никаких денег не пожалеет для побега, нужно

будет – корабль наймет или купит, но отправит тебя в Америку...

Митя криво усмехнулся:

– Моя матушка славная, но очень наивная женщина. Бежать оттуда невозможно. И следует смириться со своей участью, чтобы не сделать ее еще более невыносимой.

– Не смей так говорить! – прикрикнула на него Маша и даже сердито притопнула ногой. – Ты еще в Сибири не побывал, каторги не видел, а уже расписываешься в бессилии. Нельзя так!

– Вам с татап легко судить об этом, потому что вы ни дня не жили в этой вони, вечной сырости, кишасей крысами и блохами. Да, – он насмешливо посмотрел на Машу, – не подходи близко ко мне, а то насекомые на тебя перекинутся.

– Ты вздумал меня этим напугать? – Маша гордо вздернула подбородок и с вызовом посмотрела на Митю. – Я сама займусь подготовкой твоего побега, и попробуй только отказаться от него!

– Ну и грозна ты, матушка, как я погляжу! – улыбнулся вдруг Митя своей прежней веселой, слегка озорной улыбкой. – А как твой настоящий жених на это посмотрит?

– Мы перенесли свадьбу до его возвращения из экспедиции, – сухо сказала Маша, подошла к Мите, сняла со своей шеи образок на золотой цепочке и надела на него. – Помни, это залог того, что мы тебя обязательно спасем. Смотри на него и вспоминай мои слова: «Рано или поздно ты станешь

свободным человеком!»

Митя недоверчиво усмехнулся, хотел что-то сказать, но, обняв ее за плечи, он вдруг понял, что ее одежда промокла чуть ли не насквозь, и только теперь до него дошло, *каким образом* Маша добиралась до крепости.

– Мария, – прошептал он и покачал головой. – Я знал, что ты сумасшедшая, но не до такой же степени. Сегодня днем мне сказали, что по Неве лед пошел, и как ты осмелилась плыть на лодке, ночью, сквозь ледяную шугу?.. Ты же запросто могла утонуть!

– Честно сказать, я не думала об этом, – Маша неловко улыбнулась, – я больше боялась, что меня к тебе не пустят.

Но Митя продолжал смотреть на нее странным взглядом, словно человек, встретивший нечто удивительное, никогда ранее не виданное:

– То-то я гляжу, офицер вдруг расщедрился, позволил свидание, а когда из каземата выводил, еще и прошептал: «Поразительной, – говорит, – смелости ваша невеста, ни разу в жизни не встречал барышни, которая решилась бы на такое безумство!» – Он, подобно Маше, быстро оглянулся на дверь и так же быстро спросил: – Но что все-таки с Алиной? Родители ничего мне как следует не объяснили... Неужели она не сумела, хотя бы на словах, что-то мне передать?

– Мы с Зинаидой Львовной ездили к Недзельским, но ее батюшка не позволил нам увидеться с ней. Сказал, что его дочь тяжело больна.

Митя грустно улыбнулся:

– Да, конечно! Я все понимаю. Но мне бы хватило и пары слов от нее! Мне большего и не требуется. – Он вздохнул, замолчал на мгновение и опять посмотрел на Машу ласково и чуть смущенно. – Спасибо тебе, дорогая! Мне сейчас намного легче, чем прежде. Вполне возможно, оттого, что тебя удалось повидать. Честное слово, я очень расстроился, когда узнал, что тебе не позволили приехать на свидание... Да, – спохватился он, – я знаю, что вы с Алиной недолюбливаете друг друга, но, будь добра, передай ей это кольцо и скажи, что теперь она вольна поступать как ей вздумается. Я не смею считать себя ее женихом. – Голос его дрогнул. – И пусть не винит меня в том, что случилось, если сможет! – Он вытащил откуда-то из-за пазухи тонкое золотое колечко и вложил Маше в ладонь. – Скажи, что я не расставался с ним ни на минуту, прятал от надзирателей, но не имею права брать его с собой, что люблю ее по-прежнему, но обстоятельства оказались сильнее нас...

Маша внезапно вспомнила слова Алексея и не смогла удержаться от язвительного замечания, хотя тут же пожалела об этом:

– Твоя Алина, конечно же, не княгиня Волконская и вряд ли осмелится ехать вслед за тобой!

Митя оттолкнул ее от себя и яростно сверкнул глазами:

– Не твое дело судить о ней подобным образом! И заруби себе на носу, что я никогда, слышишь, никогда бы не позво-

лил ей стать женой каторжника! Я слишком люблю ее, чтобы погубить ее жизнь, ее красоту, чтобы позволить ей жить в нечеловеческих условиях! – Он посмотрел на Машу и скривился в недоброй улыбке. – Ну, давай прощаться! – Он быстро обнял ее, поцеловал в щеку. – Желаю тебе счастья с твоим Алексеем. Выйдешь замуж и забудешь меня в первую же брачную ночь. – Митя хрипло рассмеялся. – А ведь я знаю, что ты не любишь его, и тогда во флигеле тебе было хорошо со мной. Ведь правда хорошо? – Он взял ее за подбородок и слегка приподнял его. – Вспоминай меня иногда, даже если вдруг окажется, что Алешка будет любить тебя с большим успехом, чем я.

Маша заплакала, попробовала обнять его, но Митя опять оттолкнул ее и крикнул в сторону двери:

– Эй, офицер, пора железки надевать, а то вот-вот фельдъегерь появится с конвоем.

И, не обращая внимания на Машу, он подошел к чемодану и стал доставать из него одни за другими две пары шерстяных носков, теплые сапоги, шапку, перчатки, три довольно плотные рубахи, короткий тулупчик, покрытый нанкой...

Двери вновь распахнулись, и появившийся офицер приказал унтер-офицеру быстро проводить барышню за центральные ворота, выходящие на Иоанновский мост. И велел это сделать самым скрытным способом, чтобы никто не заметил посторонних на территории крепости. Комендант уже потребовал срочно доставить осужденных в Комендантский дом,

где он собирался объявить им об исполнении сентенции Верховного Уголовного суда, а после этого сдать в руки фельдгегеря и жандармов, которые будут сопровождать их уже до самого места назначения.

Сжавшись в комочек под тяжелым полушубком Антона, Маша прикорнула в углу пролетки, но слышала, как Митин камердинер поторапливал извозчика и, повернувшись к ней, с тревогой спрашивал:

– Ну, как вы там, Мария Александровна, живы?

– Жива, жива, – отвечала она тихо, стараясь унять неприятную дрожь, охватившую ее с того самого момента, как она покинула офицерский корпус. Антон ждал ее в пролетке недалеко от того места, где они с Алексеем дожидались недавнего возвращения из крепости родителей Мити. Он помог Маше подняться в пролетку, укутал ее в свой полушубок и приказал извозчику гнать что есть мочи, пока барышня окончательно не простудилась. Но недалеко от гостиницы «Неаполь» путь им преградила длинная вереница подвод, и извозчик вынужден был остановиться. Некоторое время они стояли, наблюдая, как тянутся мимо них сани, груженные дровами, казалось, им не будет конца. Маша уже не чувствовала ни рук, ни ног от холода. Неловко повернувшись, она застонала от боли, пронзившей все тело. Антон не выдержал и приказал извозчику:

– Как только дорога очистится, следуй за нами, а я барышню прогулку устрою, чтобы окончательно не заледенела. – Он помог Маше выйти наружу и, поддерживая ее за руку и за та-

лию, попросил: – Мария Александровна, попробуйте немного пробежаться или пройти быстрым шагом, а то заоченеете.

С трудом переставляя ноги, Маша сделала несколько шагов, задохнулась от слабости, но не остановилась. Опираясь на руку Антона, она сначала медленно, потом все быстрее и быстрее пошла вдоль канала, стараясь не обращать внимания на то, что замерзшие руки и ноги постепенно согреваются и начинают нестерпимо болеть. Маша попыталась снять накинутый на плечи тяжелый полушубок Антона, но тот сердито прикрикнул на нее, и она не стала прекословить суровому Митиному слуге.

Они миновали Львиный мост, и Маше показалось, будто она слышит звуки музыки. Она остановилась в недоумении и вдруг поняла, что они находятся как раз напротив въезда в усадьбу Недзельских. Дом, словно рождественская елка, всюсю сиял огнями, из окон лились веселые мелодии, у ворот и у подъезда скопилось десятка два богатых экипажей. На фоне ярко освещенных окон мелькали фигуры танцующих... Недзельские и их гости веселились и радовались жизни, и именно тогда, когда жених их дочери, закованный в тяжелые цепи, готовился к отправке в далекие и страшные места, откуда ему не будет возврата...

Маша вспомнила горькое выражение, промелькнувшее на лице Мити, когда он спрашивал ее об Алине, и то, с каким отчаянием в глазах просил вернуть ей кольцо. Она реши-

тельно сжала кулаки и свернула на подъездную аллею. Не обращая внимания на Антона, который хотел удержать ее, она добежала до парадного подъезда и быстро поднялась по ступеням крыльца.

Лакей на входе попытался загородить ей дорогу, но она ловко прошмыгнула у него под рукой и, оставляя мокрые следы на красном сукне, покрывающем полы подъезда и сеней, вошла в вестибюль и скинула полушубок на руки опешившего гардеробщика. Потом споро, не обращая внимания на ошеломленных подобным натиском лакеев, поднялась по ярко освещенной, украшенной цветами и лентами лестнице и, оттолкнув широко расставленные руки знакомого по первому визиту дворецкого, подобно метеору ворвалась в бальную залу. На миг остановилась, чтобы оглядеться, и тут же выхватила взглядом неестественно вытянувшееся лицо хозяина и панику, отразившуюся в глазах его старшей дочери. Недзельские сомкнутым фронтом устремились ей навстречу, но гости уже заметили Машу.

Музыка внезапно смолкла, танцующие пары замерли на месте, и все с удивлением уставились на незнакомую девушку – растрепанную, в расстегнутой шубке, в запачканном грязью платье, с бледным лицом и горящими от возбуждения глазами. Мгновенно в зале установилась оглушительная тишина, и Маша расслышала, как Недзельский яростно прошипел, обращаясь к Елизавете:

– Кто ее сюда пропустил?

Елизавета пожалала в недоумении плечами и что-то быстро приказала мужу, который тотчас же занял боевую позицию справа от нее, супруги с удвоенной силой стали пробиваться сквозь толпу гостей по направлению к Маше. Но она не стала дожидаться, когда толстый, потный от волнения Гурвич и побледневшая от гнева Елизавета доберутся до нее, и вновь обвела взглядом и зал, и растерянных гостей.

И сразу же заметила Алину. Девушка стояла в тени колонн, поддерживающих балкон, на котором расположился оркестр, и затравленно смотрела на Машу. Красивый молодой человек поддерживал ее под локоть и что-то говорил ей на ухо, весело улыбаясь. Алина поймала взгляд Маши и сделала очевидную попытку укрыться за колонной.

В этот момент кто-то ухватил Машу за плечо, она оглянулась и увидела рослого и крепкого на вид лакея.

– Барышня, немедленно уходите отсюда!

Он попытался подтолкнуть ее к двери, но Маша сбросила с себя шубку и, оставив ее в руках растерявшегося от подобной резвости лакея, направилась к Алине. По залу пробежал оживленный шепоток, гости торопливо расступились, освобождая ей дорогу. Шепоток перерос в громкий ропот. Маша разобрала свое имя и мельком заметила несколько знакомых лиц, которые, как ни странно, одобрительно и сочувственно улыбались ей. Но она также разглядела брезгливые и недовольные гримасы, исказившие красивые лица некоторых дам. Они испуганно вскрикивали и отшатывались от

нее, а одна из красавиц зажала нос пальчиками и с отвращением осмотрела Машу с ног до головы.

Да, не таким представляла Маша свое первое появление на великосветском балу! Но не презрение, не высокомерие бомонда заставили зануть ее сердце. Она воочию убедилась, что Алина не выказывает никаких признаков горя и отчаяния, которые, несомненно, должна испытывать девушка, чьи надежды на любовь и счастье разбиты, чей любимый подвергнут столь тяжелому и унижительному наказанию. Похоже, она уже утешилась в компании великосветского повесы, по крайней мере Маша не заметила на ее лице ни малейшего следа смертельной хвори, которой та страдала, по словам родственников, совсем недавно. Прелестное кукольное личико с большими серыми глазами и капризно надутыми губами было бледным, но не от болезни, а от страха, охватившего бывшую Митину невесту при виде приближающейся к ней девушки...

Алина вновь сделала попытку укрыться от Маши, теперь уже за спину своего кавалера, но девушка настигла ее и, как ей показалось, совсем тихо произнесла слова, которые Митя велел передать своей невесте, но в тишине, окружавшей их, голос ее прозвучал громко и неожиданно звонко:

– Сударыня, ваш жених поручил мне вернуть это кольцо и сказать, что теперь вы свободны и вольны определять свою дальнейшую судьбу по собственному желанию и как позволяет ваша совесть.

Последние слова она добавила от себя. И хотя заметила, что Алина – почти на грани обморока, но сочувствия к ней не испытала. Она протянула ей ладонь, на которой лежало Митино кольцо. Алина замешкалась, вопросительно посмотрела на своего кавалера и осторожно сняла кольцо с Машинной ладони. Не вымолвив ни слова, она судорожно вздохнула, поднесла руку к горлу, растерянно посмотрела на тоненькое золотое колечко и перевела взгляд на Машу. Ее глаза были полны слез, губы жалобно кривились, словно от невыносимой обиды.

– Как он? – прошептала она едва слышно.

– Жив-здоров вашими молитвами, если вы позволили себе вспомнить о Мите и помолиться о его спасении. – Маша смерила Алину презрительным взглядом. – У вас есть возможность передать ему письмо или, если пожелаете, еще успеете застать его на первой по пути следования в Сибирь почтовой станции. Как мне сообщили, тюремная карета будет там ранним утром...

Она не успела договорить. Старший Недзельский собственной персоной вынырнул откуда-то сбоку в сопровождении двух лакеев.

– Немедленно убирайтесь отсюда! – в бешенстве не прошипел, а почти прорычал старый дипломат. – Негодяйка, как вы посмели в подобном виде, без приглашения, появиться на празднике?

– Вы имеете в виду праздник, который вы устроили по по-

воду отъезда бывшего жениха вашей дочери в Сибирь, или это связано с ее внезапным выздоровлением? – произнесла Маша насмешливо, отметив новую, еще более сильную волну шепота, пробежавшую за ее спиной по залу.

Недзельский побагровел.

– Во-о-он! – вскрикнул он визгливо, неожиданно пустил петуха и, схватившись за горло, отступил за спины лакеев. Они тут же приняли угрожающий вид и стали теснить Машу к выходу. Краем глаза девушка заметила, что Елизавета уводит Алину, и крикнула им вслед:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.